

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

11.3

3 выпуска в год на многих языках

Говорящая социология:
Нэнси Фрейзер

Армин Тёрнер

Теоретические
ПОДХОДЫ

Майкл Файн
Г. Гюнтер Фосс

Рафия Казим, Крис Тилли,
Бригитте Ауленбахер, Аранка Ванесса Бенажа,
Вероника Прилер, Дженнифер Стайнер,
Карин Швитер, Хельма Лутц,
Рут Кастель-Бранко, Сара Кук, Ханна Доусон,
Эдвард Вебстер, Сандисуа Мапуката,
Шафи Верачиа, Келле Хоусон,
Патрик Фойерстейн, Фонда Устек-Спилда,
Алессио Бертолини, Ханна Джонстон
и Марк Грэм

Работа и труд

Антропоцен:
критические встречи

Ариэль Саллех
Шоко Йонейма
Гайя Джулиани
Ульрих Бранд
Маркус Виссен
Джейсон Мур

Социология
стран Магриба

Мунир Сайдани
Муаммад Элтбули
Хассан Ремаун

Открытый раздел

- >Неравенство в ответ на пандемию
- >Парадигма Ибн Хальдуна в философии Куна
- >Социальное воображаемое и социология права в Бразилии

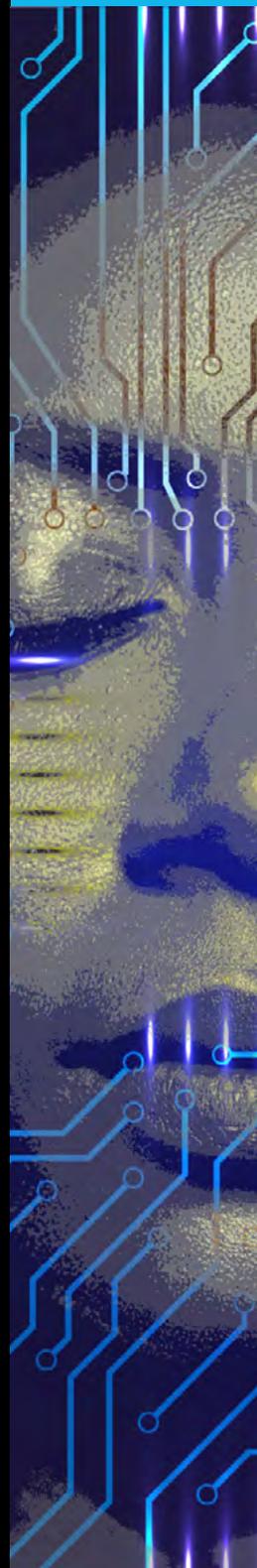
ЖУРНАЛ

International
Sociological
Association
isa

ТОМ 11 / ВЫПУСК 3 / ДЕКАБРЬ 2021
<http://globaldialogue.isa-sociology.org>

ГД

> От редакции

Климатические изменения и экологические катастрофы, precarious work, плохие условия труда и бедность, экономические и социальные неравенства в мире – вот некоторые наиболее значимые проблемы нашего времени. Социологические дискуссии посвящены размышлениям о перспективах модерности и капитализма, рискам идей прогресса и роста для экологического и социального воспроизводства. Этот номер Глобального Диалога посвящен анализу проблем, вызванных господствующими представлениями об отношениях Человека и Природы и экономическими принципами в отношении труда и работы. Мы также описываем способы существования в различных частях глобального мира. В некоторых статьях авторы возвращаются к социологической классике, в других – предпринимается попытка проанализировать новые феномены социальной реальности, третьи – ставят диагноз современным тенденциям.

Номер открывает интервью известного австрийского журналиста Армина Тернера с крупнейшим американским философом и представителем критической теории, Нэнси Фрейзер. Она размышляет о своем участии в левом движении, представляет свой анализ современного капитализма и показывает, что пандемию стоит рассматривать как эффект экономки, которая разрушает и разъедает социальные и экологические основания жизни.

В теоретическом разделе Майкл Файн анализирует продолжающуюся маркетизацию заботы и соответствующие формы управления; он обсуждает эффекты этого тренда в категориях недостаточного социального обеспечения и плохих условий труда помощников по уходу. Пандемия и, в особенности, связанные с нею смерти в пансионатах и социальных домах сестринского ухода, демонстрирует деструктивные тенденции рыночного общества такого типа. В статье Гюнтера Фосса на основе социологической классики и современной политической философии глубоко анализируются работа и труд. Более того эта статья проливает свет на сложные взаимосвязи оплачиваемой и неоплачиваемой работы и их значимость для жизни общества.

Первый симпозиум продолжает размышления о труде и работе, объединяя теоретические рассуждения и результаты эмпирических исследований. Он приглашает нас к путешествию по разным странам, анализирует разные формы труда и работы и связанные с ними условия труда. Рафия Казим показывает, как пандемия влияет на трудовых мигрантов в Индии, а Крис Тилли обсуждает глобальный фено-

мен precarious work и неформальной работы. Сравнительное исследование организации заботы с проживанием в Австрии, Германии и Швейцарии заставляет задуматься о перспективах и противоречиях коммерциализированного ухода. Исследователи из ЮАР и ВБ фокусируются на цифровой работе, обсуждая функции и последствия алгоритмизации, релевантность и перспективы работы онлайн платформ на Глобальном Юге, а также вопросы безопасности и защищенности так называемых «облачных работников» гиг-экономики.

Второй симпозиум углубляется в критическое обсуждение понятия антропоцена. Одни авторы развивают свои трактовки этого понятия, другие – предлагают вовсе отказаться от этого термина. При этом все статьи объединяет критическое обсуждение иерархических отношений между человеком и (нечеловеческой) природой, и обозначение множества проблем, требующих социологического анализа. Ариэль Салех критикует понятие природы, сформированное в эпоху модерна, и патриархатное капиталистическое господство, приводящее к пагубным последствиям на глобальном уровне. Он противопоставляет им экосоциалистические и экофеминистские идеи и подходы, разработанные общественными движениями. Шоко Йонейма и Гайя Джулиани фокусируют внимание на современном диагнозе антропоцена, демонстрируют ограничения этого понятия и обсуждают эвристический потенциал других подходов к переопределению отношений между Человеком и Природой. Ульрих Бранд и Маркус Виссен изучают «империалистический способ жизни» и характерные для него механизмы эксплуатации труда и природы, претендующие на гегемонию. Отталкиваясь от этой идеи, Джейсон У. Мур разоблачает идеологический характер понятия антропоцен и предлагает обратиться к геополитическому анализу капиталоцена.

Не менее интересны статьи, посвященные развитию социологии. Мунир Сайдани собрал статьи социологов Магриба. В своих обзорах состояния дисциплины в Алжире, Тунисе и Ливии, они обсуждают работу научного сообщества, исследования и преподавание, достижения и проблемы профессиональной и (не)публичной социологии в регионе.

Последний по порядку, но не по значимости, «Открытый раздел» анализирует грассрутный ответ на пандемию в Замбии и обсуждает парадигму новой науки, предложенную Ибн Хальдуном, и понятие *воображаемого* в контексте бразильской социологии права. ■

Бригитте Ауленбахер и Клаус Дёрпе,
редакторы «Глобального диалога»

> «Глобальный Диалог» публикуется на многих языках на [сайте](#).

> Статьи присылайте на адрес globaldialogue.isa@gmail.com.

isa International
Sociological
Association

**GLOBAL
DIALOGUE**

> Редакторский совет

Редакторы: Бригитте Ауленбахер, Клаус Дёрре.

Заместители редакторов: Йоханна Грубнер, Валид Ибрахим.

Младший редактор: Апарна Сундар.

Исполнительные редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Консультант: Майкл Буравой.

Медиаконсультант: Хуан Лехаррага.

Редакторы-консультанты:

Сари Ханафи, Джеффри Плейерс, Филомин Гутьеррес, Элоиза Мартин, Савако Ширахасэ, Изабела Барлинска, Това Бенски, Чи-Чжоу Джей Чэнь, Ян Фритц, Коичи Хасэгава, Хироши Ишида, Грэйс Кхуноу, Эллисон Локонто, Сьюзен МакДэниел, Элина Оинас, Лаура Озо Казас, Бандана Пуркаяста, Рода Реддок, Мунир Сайдани, Айше Сактанбер, Сели Скалон, Назанин Шахрокни.

Региональные редакторы

Арабский мир: (Тунис) Мунир Сайдани, Фатима Разуани, Хабиб Хадж Салем; (Алжир) Сурайя Мулуджи Гарруджи; (Марокко) Абдельхади Аль-Хальхули, Саида Зине; (Ливан) Сари Ханафи.

Аргентина: Магдалена Лемус, Хуан Парсио, Мартин Уртасун.

Бангладеш: Хабибуль Хаке Хондкер, Хайруль Чаудури, Мохаммад Хасим Уддин, Биджой Кришна Баник, Себак Кумар Саа, Сабина Шармин, Абдур Рашид, М. Омар Фарук, Мухаммед Хайруль Ислам, Саркер Сохель Рана, Шахидуль Ислам, А.Б.М. Наджмус Сакиб, Эшрат Джахан Аймун, Хеляль Уддин, Масудур Рахман, Сика Парвин, Ясмин Султана, Рума Парвин, Экрамун Кабир Рана, Шармин Актер Шапла, Мд. Шахин Актар.

Бразилия: Густаво Танигути, Анжело Мартинс Жуниор, Андреса Гальи, Дмитри Сербонсини Фернандес, Густаво Диас, Жозе Гирадо Нето, Джессика Массини Мендес.

Индия: Рашми Джайн, Маниш Ядав, Ракеш Рана, Сандип Мил.

Индонезия: Каманто Сунарто, Хари Нугрохо, Лучия Ратих Кусумадеви, Фина Итрия, Индера Ратна Иравати Паттинасарани, Бенедиктус Хари Джулиаван, Мохаммад Шохибуддин, Домингус Эльчид Ли, Антониус Арио Сето Харджана, Диана Тереза Пакаси, Нуруль Айни, Гегер Риянто, Адитья Прадана Сетиади.

Иран: Рейхане Джавади, Ниайеш Долати, Аббас Шахраби, Сайед Мухаммад Муталеби.

Казахстан: Айгуль Забирова, Баян Смагамбет, Адиль Родионов, Алмаш Тлеспаета, Куаныш Тель, Алмагуль Мусина, Акнур Иманкул, Мадьяр Альдияров.

Россия: Елена Здравомыслова, Анастасия Даур, Дарья Холодова.

Румыния: Ралука Попеску, Раиса-Габриэла Замфиреску, Диана Александра Думитреску, Юлиан Габор, Моника Георгеску, Иоана Януш, Бьянка Михэйлэ, Мария Стойческу.

Тайвань: Вань-Цзюй Ли, Тао-Юн Люй, Цунь-Джен Хун, Ю-Чиа Чен, Ю-Вен Ляо, По-Сун Хун, Керк Жи Хао, Йи-Шуо Хуань, Чун-Вей Хуань.

Турция: Гюль Чорбаджоглу, Ирмак Эврэн.

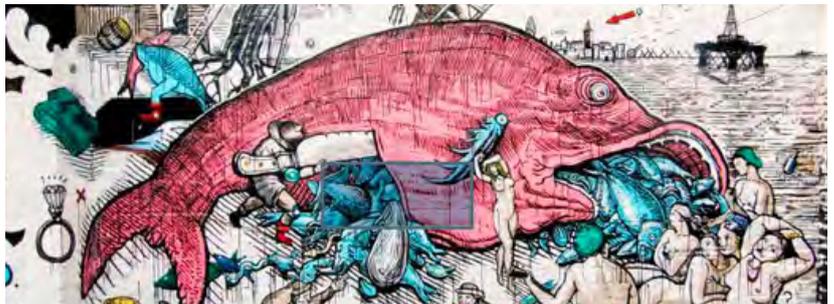
Франция/Испания: Лола Бусуттил.

В интервью Армину Тёрнеру, **Нэнси Фрейзер** рассуждает о своем опыте левого активизма, делится своим анализом современного капитализма и объясняет, почему пандемия – это следствие экономики, которая разрушает социальные и экологические основы жизни.

Совмещая теоретические мысли и эмпирические наблюдения, эта дискуссия предлагает анализ различных форм **работы и труда** во всем мире.

Критическое обсуждение популярного понятия **«антропоцен»** с различных позиций и с привлечением теоретических предшественников этого концепта.

«Глобальный диалог» стал возможен благодаря щедрому гранту **SAGE Publications**.

> В этом номере

От редакции **2**

> ГОВОРЯЩАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Пандемия как «идеальный шторм» капиталистической иррациональности. Интервью с Нэнси Фрейзер

Армин Тёрнер, Австрия **5**

> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Смерть в социальных домах с уходом в период пандемии

Майкл Файн, Австралия **9**

К современной теории работы

Г.Гюнтер Фосс, Германия **12**

> РАБОТА И ТРУД

COVID-19 и трудовые мигранты Индии

Рафия Казим, Индия **16**

Неформальная и прекарная работа в глобальном контексте

Крис Тилли, США **18**

Критика правил регулирования надомной заботы в Австрии, Германии и Швейцарии

Бригитте Ауленбахер и Вероника Прилер, Австрия, Аранка Ванесса Бенажа и Хельма Лутц, Германия, Карин Швитер и Дженнифер Стайнер, Швейцария **20**

Будущее работы в цифровую эпоху

Рут Кастель-Бранко, Сара Кук и Ханна Доусон, ЮАР **22**

Декодировать алгоритмический контроль

Сандисуа Мапуката, Шафи Верачиа, ЮАР **24**

Онлайн трудовые платформы: власть без отчетности?

Келле Хоусон, Фонда Устек-Спида, Алесслио Бертолини и Марк Грэм, Ун-т Оксфорда, Великобритания, Патрик Фойерштайн, Германия, Ханна Джонстон, Северовосточный ун-т, США **26**

> АНТРОПОЦЕН: КРИТИЧЕСКИЕ ВСТРЕЧИ

Удерживание (*holding*) как работа и эпистемология

Ариэль Саллах, ЮАР **28**

Аниме Миядзаки: анимизм для антропоцена

Шоко Йонейма, Австралия **30**

Антропоцен и порожденное им недовольство

Гайя Джулиани, Португалия **32**

Империалистический способ жизни и капиталистическая гегемония

Ульрих Бранд, Австрия и Маркус Виссен, Германия **34**

Отказ от понятия «антропоцен»: Человек и Природа в эпоху капиталоцена

Джейсон В. Мур, США **36**

> СОЦИОЛОГИЯ ИЗ МАГРИБА

Социология в странах Магриба: История и перспективы развития

Мунир Сайдани, Тунис **38**

Социология в Ливии

Мохаммад Элтобули, Ливия **39**

Социология в Алжире: преподавание, использование и статус

Хассан Ремаун, Алжир **41**

Тунисская социология перед лицом тройного кризиса

Мунир Сайдани, Тунис **43**

> ОТКРЫТЫЙ РАЗДЕЛ

Неравенство в ответ на ковид

Вильма С. Нчито, Замбия **45**

Парадигма Ибн Хальдуна в контексте философии Куна

Махмуд Дауади, Тунис **47**

Социологическое воображаемое и социология права в Бразилии

Франсиско Бедэ, Бразилия **49**

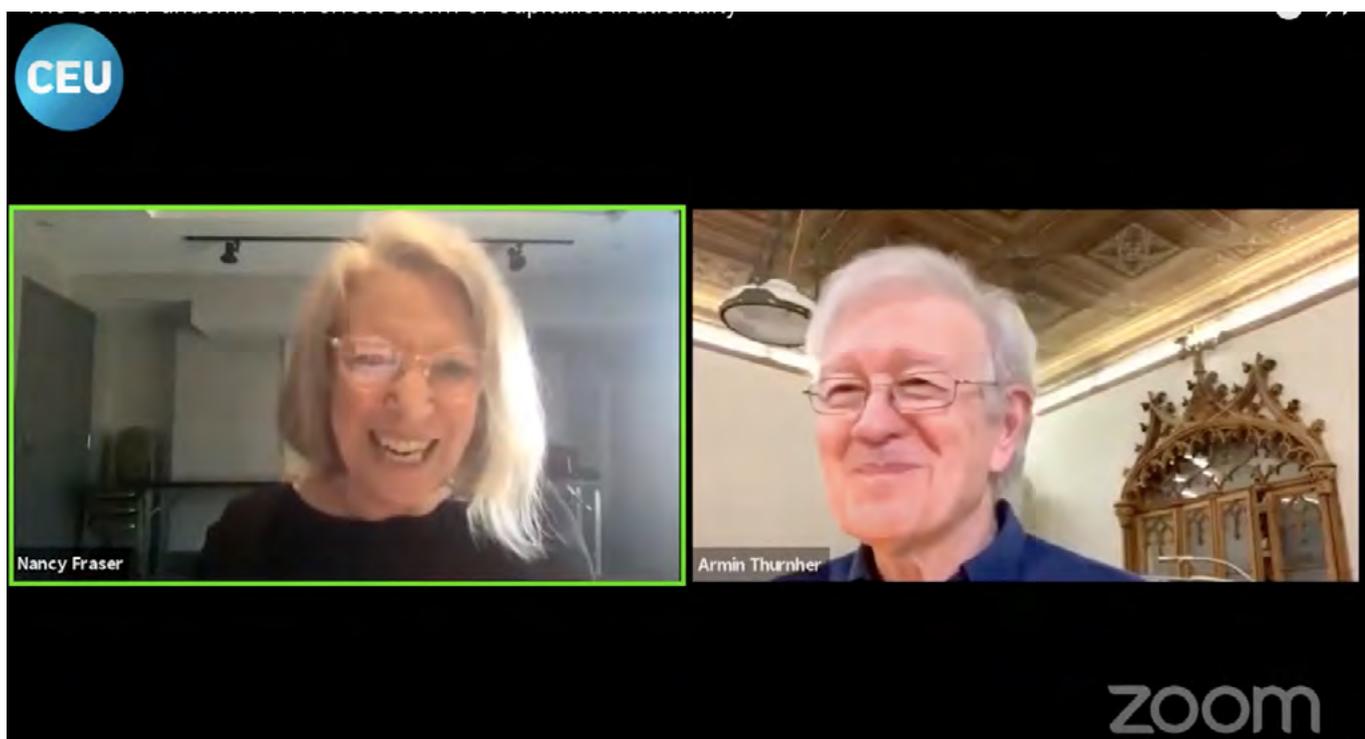
4

«Лишь триада заботы о других, заботы о себе и заботы о планете может превратить ответственность человека за человеческую и нечеловеческую жизнь и неодушевленный мир в политическую ценность».

Гайя Джулиани

> Пандемия как идеальный шторм капиталистической иррациональности

Интервью с Нэнси Фрейзер

Во время профессуры имени Карла Поланьи в 2021 году Нэнси Фрейзер дала интервью Армину Тёрнеру по Zoom.

Нэнси Фрейзер – известный философ, критический теоретик, профессор политических и социальных наук Новой школы социальных исследований. В мае 2021 она дала публичное интервью **Армину Тёрнеру**, основателю и издателю крупного австрийского еженедельника *Falter*. Нэнси Фрейзер стала первым приглашенным профессором на позицию им. Карла Поланьи, поддержанную администрацией Вены, Центрально-Европейским университетом, Венским университетом, Венским университетом экономики и бизнеса, Венской Трудовой палатой, Международным обществом Карла Поланьи. Армин Тёрнер как политический журналист обсуждает с Нэнси Фрейзер важнейшие проблемы современности. В этом интервью, любезно предоставленном *Глобальному диалогу*, обсуждается биографический опыт Нэнси Фрейзер как левой активистки и ее анализ капитализма и пандемии.

АТ: Нэнси Фрейзер, расскажите, пожалуйста, как американский политический философ становится социалистом? Несомненно, Вы принадлежите к поколению 1968 года, но все-таки совсем не многие представители этого поколения стали социалистами. Как это случилось?

НФ: Я выросла в Балтиморе, штат Мэриленд, тогда там действовал закон Джима Кроу, который устанавливал расовую сегрегацию. Когда я была ребенком, эта си-

стема казалась мне нормальной, даже когда я чувствовала, что что-то не так. Взрыв движения за гражданские права, борьба за отмену сегрегации заставили меня резко переосмыслить мое детство и условия, в которых жила моя семья. Мои родители были либералами, поддерживали Франклина Рузвельта, но я все равно чувствовала, что их образ жизни не соответствовал их словам. Я направила весь свой бунтарский подростковый гнев в политическую сферу. Сначала я участвовала в борьбе за гражданские права, затем в кампании про-

>>

тив войны во Вьетнаме, и после этого, следуя обычному для моего поколения пути, вступила в SDS (*Students for a Democratic Society*) [Студенты за демократическое общество], стала феминисткой и так далее.

Я вам расскажу маленькую историю о том, как я стала социалисткой. Я была активной участницей движения сопротивления военному призыву во Вьетнам. Мы убеждали молодых американцев сжигать свои военные билеты и отказываться вступать в армию. В этой насковзь радикальной атмосфере меня очень взволновали сообщения о буддистских монахах во Вьетнаме, которые сжигали себя заживо в знак протеста против войны. Просто чтобы вы понимали, насколько сумасшедшее это было время, я была молодой студенткой университета, и я в прямом смысле думала: «Если ты действительно против войны, то почему ты до сих пор себя не подожгла?» К счастью, я познакомилась с несколькими троцкистами, и они мне объяснили, что есть и другие способы борьбы (смеется). Вот так я и стала социалисткой и примкнула к социалистическому крылу SDS.

Позже я поняла, что мое первоначальное убеждение, что социалистическая революция в Соединенных Штатах наступит уже через несколько лет, была иллюзией. Но ценности и дух Новых Левых до сих пор остались очень значимыми для меня. Мои базовые моральные интуиции и политические взгляды не сильно изменились. Я надеюсь, что я стала более искушенной, и, мне кажется, я намного больше знаю о том, как развивать эти интуиции и перспективы. Но 68-ой остается для меня ключевым.

АТ: Кто был для вас важным учителем, и кто оказал на вас влияние в академическом смысле?

НФ: Сначала я училась в *Брин Мор (Bryn Mawr College)*, элитном женском колледже, куда я поступила, чтобы изучать классические предметы, греческий и латынь. Моим учителем был Ричмонд Латимор (*Richmond Latimore*), замечательный поэт и переводчик *Илиады*. Я поступила в этот колледж специально, чтобы учиться у него. Потом меня заморозила философия, и я переключилась на нее, хотя и продолжала опираться на лингвистические знания. Когда развернулись события 1960х, я поняла, что классическое образование, которое я получала, неадекватно моменту. Моя активистская личность перехватила инициативу. Мне было очень трудно совмещать эти две страсти: политическую и интеллектуальную.

Одним из тех, кто помог мне научиться совмещать эти две ипостаси, был мой преподаватель Ричард Бернштейн (*Richard J. Bernstein*), сейчас мой коллега в *New School*. Он меня познакомил с Франкфуртской школой. Первая книга этой традиции, которую я прочитала, это *Одномерный человек* Герберта Маркузе, которая прекрасно описывала мое ощущение, что я живу в обществе, где привычные тропы интерпретации мира скорее затемняют смысл происходящего, нежели проясняют его.

АТ: Как Карл Поланьи появился в вашей биографии?

Возможно, он заинтересовал Вас как историк или как оппонент Хайека, чья идеология стала такой доминантной, несмотря на то, что многие и не знают о ее существовании.

НФ: Моя первая встреча с Поланьи произошла во время учебы в Брин Мор. Я читала *Великую трансформацию* для курса по политологии. Но в тот момент он меня не очень впечатлил, потому что к тому времени я сконцентрировалась на Марксе, и, наверное, Поланьи не выдержал сравнения. Только несколькими годами позже я перечитала Поланьи и поняла, насколько потрясающим мыслителем он был и каким сокровищем остается его книга. Так что я начала преподавать его идеи. Перечитывая его работы и рассказывая о нем студентам, я находилась под огромным впечатлением его идей. Тогда я поняла, что мое мировоззрение строится вокруг «двух Карлов», Маркса и Поланьи, у каждого из которых есть потрясающие мысли, но есть и слепые пятна. Я видела свою задачу в том, чтобы соединить идеи двух Карлов в единую более полную теорию, которая преодолевала бы слепые пятна. Вообще-то нет, это не совсем так. Не то, чтобы я фокусировалась только на двух Карлах, скорее на «двух Карлах плюс», где «плюс» – это феминистская теория, экологическая теория, антиколониальная и антиимпериалистическая теория – каждая из которых не была как следует развита Марксом и Поланьи.

АТ: Давайте поговорим о пандемии. Когда мы размышляем о пандемии, мы думаем о ней как о природной катастрофе, как о чем-то непредвиденном, что никак не связано с человеческой деятельностью. После того, как я прочитал ваш текст об этом в вашей новой книге, я смотрю на вещи немного иначе. Не могли бы вы рассказать подробнее?

НФ: Большая часть *Cannibal Capitalism* [Каннибальский капитализм] была написана до вспышки коронавируса, но в книге есть послесловие под названием “*A perfect storm of capitalist irrationality and injustice*” [Идеальный шторм капиталистической иррациональности и несправедливости]. В нем представлен мой взгляд на пандемию: это точка, в которой сходятся все иррациональности и несправедливости капитализма. Сначала я разделяла ваше первоначальное видение вируса как природной катастрофы. Но затем я узнала о том, что эпидемиологи называют зооотическими прыжками от других видов к человеку. Вирус, который вызывает COVID-19, перешел к нам от летучих мышей, которые живут в удаленных пещерах, далеко от людей. Но что-то произошло, что привело к контакту между этими мышами и каким-то другим промежуточным видом, а затем привело этот вид к контакту с людьми. Так мы и получили этот вирус. Вопрос в том, что создало это сближение видов, которые раньше жили отдаленно. Две вещи: глобальное потепление и вырубка тропических лесов. Эти два явления спровоцировали массовую миграцию популяций животных, которая толкает редкие или непригодные виды к поиску новых мест обитания. В результате огромное количество организмов в панике ищут новые пищевые ниши и сталкиваются с другими видами, с которыми они ранее не были в контакте. И ву-

>>

аля: новый зоонотический трансфер вируса. Это, кстати, та же самая динамика, которая привела к предыдущим вспышкам коронавирусов SARS, MERS, Эбола и ВИЧ. SARS передался от летучих мышей к циветтам и затем к человеку. MERS – от летучих мышей к верблюдам и человеку. Возможно (хотя наука пока не подтвердила наверняка это предположение), COVID-19 передался к нам через панголинов или какой-то другой промежуточный вид. Получается, что в каждом из случаев провоцирующим процессом было глобальное потепление и вырубка тропических лесов. А что стоит за ними? Капитализм. Это и есть та система, которая бомбардирует атмосферу парниковыми газами и этим провоцирует глобальное потепление. И это система, которая вырубает тропические леса, чтобы расчистить дорогу для добычи ископаемых и скотоводства. COVID-19 - это дитя капитализма. И это, разумеется, не последняя пандемия, которая нас ждет. Потому что причины никуда не делись. Так что: да, пандемия – это природное явление, но не только. Это природа, выведенная из равновесия капитализмом.

АТ: К тому же, капитализм на удивление быстро разработал вакцину. Он становится очень креативным во время кризисов. Не является ли это аргументом в защиту капитализма?

НФ: И да, и нет. Мы слишком часто думаем о здравоохранении как индивидуальной медицинской помощи. Но у него есть еще и инфраструктурная сторона, на которую пандемия пролила свет. Она показала, что поддерживать инфраструктуру здравоохранения так же необходимо, как дороги, мосты и другую физическую инфраструктуру. Частные фирмы сейчас контролируют львиную долю мировых ресурсов, необходимых для борьбы с медицинскими чрезвычайными ситуациями: рабочую силу и сырье, технику и производственные мощности, сети поставки и интеллектуальную собственность. Но они не заинтересованы в общем благе. Они заботятся о чистой прибыли и о курсах акций. Это особенно хорошо видно на примере текущей борьбы за интеллектуальную собственность на вакцину, которая определит, будет ли она доступна для всего мира как общее благо, как это и должно быть, если мы хотим когда-нибудь взять этот вирус под контроль. Приватизация государственных структур здравоохранения стала огромным препятствием на пути к этой цели.

Теперь о вашей позиции в защиту капитализма. Во-первых, огромная часть работы, определившей темпы разработки вакцины, была осуществлена в государственном секторе, например, в Национальных институтах здравоохранения (НИЗ) США. Я знаю точно только про Соединенные Штаты, но я думаю, что в других странах тоже была велика доля государственных усилий – точно на Кубе, в Китае, в России, и, возможно, в других странах. Во всяком случае, большая часть подготовительной работы для изготовления Модерна была проделана в НИЗ. Это как интернет. Он начался как общественное благо. Потом, разумеется, был захвачен Google, Facebook, Microsoft, Apple и другими. В обоих случаях, эта технология изначально была разработана в государственном секторе. Так что совсем не ясно, заслужива-

ет ли капитализм какой-то благодарности. Наука может отлично развиваться с помощью государственной поддержки, как, собственно, это часто и происходит.

АТ: С государством есть проблемы. Оно стало жертвой неолиберализации, и вообще никому оно не нравится. Очевидно авторитарные государства (напр., Китай) и демократические государства, которые смогли изолироваться и применить более строгие меры (Австралия и Новая Зеландия), более успешно справляются с пандемией. В Европе же есть тенденция преувеличивать опасность таких мер здравоохранения для гражданских свобод.

НФ: Если это так, то эта проблема еще серьезнее в Соединенных Штатах. У людей, которые ворвались в Капитолий 6 января, надеясь предотвратить или задержать официальную победу Джо Байдена на президентских выборах, есть теория – вдохновленная Трампом – о том, что они называют «глубинным государством». Они верят в какие-то очень странные и опасные теории заговора, включающие отрицание ковида; они заявляют, как и те, кто отрицает климатические проблемы, что это все обман государства, которое стремится получить больше контроля над гражданами. У этих идей глубокие корни в нашей политической культуре, строго индивидуалистской и либертарианской. И это давнее недоверие к государству в правой трампиской популистской экосистеме теперь увеличилось до уровня лихорадки. Как левая активистка я крайне критично отношусь к тому, что делают государства, особенно американское, например, к вторжению в Ирак и ко многим другим ужасным вещам. Я бы предпочла полагаться на международные организации, если бы они были компетентны и независимы от супердержав. К сожалению, в реальности это не так. ВОЗ - слабая структура и, скорее всего, могла бы сделать свою работу лучше. В любом случае, в чрезвычайной ситуации, как сейчас, нам приходится рассчитывать на существующие государственные структуры. Страны, которые справились лучше других – и сюда я, как и вы, включаю Китай – это те страны, где население относится к государству более-менее позитивно. Там граждане могут хотеть более демократического государства, но они не сумасшедшие либертарные индивидуалисты. В США всегда были проблемы с тем, чтобы признать какую-либо власть, кроме власти рынка. Страна быстро вакцинировала около ста миллионов человек, но потом прогресс встал из-за сомнений по поводу вакцины и сопротивления вакцинации. В таких условиях я ратую за введение прививочных паспортов. Если хочешь пойти на баскетбольный матч или в театр, тебе нужно продемонстрировать, что ты привит, или что у тебя есть уважительная медицинская причина. Конечно, это нарушение личных свобод. Но бывают обстоятельства, когда необходимо создавать правильные стимулы. Если нормально запрещать курение в ресторанах и штрафовать водителей за не пристегнутый ремень, тогда нормально также исключать прививочных отказников из участия в публичных мероприятиях в закрытых помещениях.

АТ: Возникает вопрос, каким образом производится

недовольство/несогласие в противовес согласию в условиях глобализации социальных медиа, которые создают возможности неконтролируемой антигосударственной и антиобщественной коммуникации?

НФ: Я бы не сказала, что мы производим несогласие. Я бы скорее сказала, что капитализм производит несогласие. Сейчас в разгаре острый многомерный глобальный кризис, общий кризис всего социального порядка. Ковид - это один из его аспектов, но есть и много других: экономический, экологический, социальный и политический. В этой ситуации распространяется ощущение, что наша политическая система и наши политические лидеры потерпели неудачу. Недовольство видно повсюду, и на то есть веские причины. Правый антиавторитарный популизм - это одно из проявлений этого недовольства, хотя он и серьезно ошибается в определении причин и предлагаемых решениях кризиса. Есть и другие, скажем, лучшие, формы недовольства: левые популизмы и движения подобные мобилизации в поддержку Берни Сандерса, которые представляют более рациональные, эмансипаторные и многообещающие формы недовольства. Так что недовольство есть. Но вы правы, оно переплетено с различными другими процессами, такими как алгоритмы социальных медиа и инфлюэнсеры, которые подстегивают групповое мышление и потребительский образ жизни даже в тех движениях, которые на первый взгляд, кажутся отклонениями от неолиберальной догмы. Так что ситуация сложная.

В любом случае, я ничего не произвожу, разве что немного теории. Я надеюсь, что теория, которую я выстраиваю, поможет что-то прояснить для тех, кто уже что-то делает в соответствии с собственной мотивацией, в своих конкретных жизненных ситуациях, кто сталкивается со своими собственными многообразными нерешенными проблемами. Многие люди уже действительно *действуют* и действительно *проявляют недовольство*. Они хотят перемен и экспериментируют с альтернативными представлениями об этих переменах и с альтернативными взглядами на то, как воплотить их в жизнь. Я пытаюсь встроиться в этот процесс, разрабатывая мысль, что многие из проблем, которые провоцируют их недовольство и активизм, связаны с одним и тем же: с устройством капитализма как социальной формации. Капитализм устроен так, чтобы каннибализировать природу, отбирать богатства и труд по расовому признаку, наживаться на бесплатном домашнем труде и истощать энергию, которую мы бы иначе потратили на поддержку наших семей и сообществ, выхолащивать общественные ресурсы, которые необходимы для разрешения наших проблем. Все это капитализм делает не случайно, а в силу своего ДНК. Так что мое послание состоит в следующем: сверьтесь с этой картой нашей социальной системы, посмотрите, к чему относится ваше недовольство и как оно связано с недовольством других. Поймите, что у всего этого есть общий источник, общий враг. Давайте объединяться и бороться вместе. ■

Адрес для связи: <frasern@earthlink.net>

> Смерть в социальных домах с уходом во время пандемии

Майкл Файн, Университет Маккуори, Австралия, член МСА и бывший вице-президент ИК11 по проблемам старения

Семья навещает бабушку в социальном доме. По протоколу COVID-19 их разделяет стеклянная панель. Апрель 2021. Фото в публичном доступе.

Социальные реакции на пандемию COVID-19 проявляются на микроуровне межличностных взаимодействий в домашнем пространстве и в виртуальных ситуациях, и на макроуровне, где практики заботы и отношения оказывают существенное влияние на население различных стран и транснациональные обмены. Действия на обоих этих уровнях следует понимать как формы заботы.

Теоретическое осмысление заботы в последние годы стало особенно значимым для социальной теории и социологических исследований. В ходе пандемии COVID-19 в 2020-21 гг. мы стали свидетелями удручающе неуклюжих действий национальных правительств и международных организаций. Только в некоторых странах реакции системы здравоохранения продемонстрировали способность ограничить распространение пандемии; в большинстве стран действия правительств были недостаточно успешными.

Под давлением пандемии государство приняло на себя обязательства заботиться обо всем населении страны, взяв на себя задачу поддержки и защиты населения и управляя его благополучием с разной степенью успеха. В условиях, когда рынки не могли реагировать и оказались под угрозой полного коллапса, ответы политического руководства носили импровизационный характер, но были структурированы конституционной властью, учрежден-

ными и конвенциями, которые составляют государственную машину.

За последние два с половиной столетия в рыночных обществах, как их называл К.Поланьи, в ходе трансформации от феодализма и традиционного общества к глобальному капитализму возник современный мир, состоящий в значительной мере из все более усложняющихся наборов институтов социальной заботы. На последней фазе современного велферного капитализма страны с развитой экономикой используют свою власть для трансформации заботы с помощью продвижения рынков социальных услуг. Различные формы действия этих рынков и квази-рынков в сфере детства и воспитания, поддержки людей с ограниченными возможностями и медицинских услуг, на разных этапах жизненного пути, включая заботу о пожилых и обеспечение жильем, формируют выразительный профиль современной жизни.

Этот процесс поставил перед социальной теорией одну из наиболее значимых проблем – речь идет об относительной неэффективности систем социального обслуживания в развитых капиталистических обществах, особенно в Западной Европе и Северной Америке. Эти богатые развитые страны, которые, как правило, возглавляют глобальные рейтинги по критериям уровня жизни и благосостояния и обладают, казалось бы, эффективными правовыми системами, а также развитой системой здра-

воохранения и социального обеспечения, оказались особенно уязвимыми перед вызовом пандемии.

В 2020 году правительства большинства наиболее развитых капиталистических стран были ошарашены быстрым распространением вируса, а затем столкнулись с проблемами доступа к лечению и не смогли поставить эпидемию под эффективный контроль. В 2021 г. очевидными стали проблемы доступности и охвата вакцинацией. Они сопровождались широко распространенной враждебностью и подозрением к вакцинам, что подогревалось различными ультраконсервативными движениями, сторонниками теории заговора и наивными людьми, убежденными в естественности здоровья и благополучия.

Проблемы социального регулирования и администрирования, выявленные пандемией, нашли выражение во множестве различных форм. Возможно, наиболее трагичным и болезненным выражением этих проблем в странах ОЭСР являются смерти сотен тысяч пожилых людей, проживающих в социальных домах. Социальный дом представляет собой кейс-стади – т.е. микрокосм, изучая который можно выявить и описать множество проблем, которые обнажила пандемия в работе систем социального обеспечения и регулирования на локальном, национальном и глобальном уровнях.

В этой статье я развиваю теоретическое понимание политического и экономического измерения заботы и освещаю результаты международных исследований ответа на пандемию. Я основываю свои рассуждения на двух тезисах, сформулированных Поланьи при анализе формирования рыночного общества. Первый тезис выявляет проблемы управления, возникающие в условиях маркетизации заботы; второй тезис освещает последствия коммодификации общественной заботы, особенно явно проявляемые в прекарном труде наемных работников и другого первичного персонала в сфере социальных услуг и заботы.

>Смерти в социальных домах

Во время первой волны ковида в 2020 году данные о смертности были ненадежными или неполными. В некоторых странах смерти в социальных домах первоначально вычищались из национальных отчетов. [Недавние данные](#), опубликованные Международной сетью программ долгосрочного ухода (*Long-Term Care Policy Network*) в феврале 2021 года, показывают, что для 22х стран, где есть надежная статистика первого года течения пандемии, в среднем 41% всех смертей от ковида приходился на резидентов социальных домов. Разброс этих данных весьма широк: в Австралии эта цифра достигает 75%: в Южной Корее – зафиксировано всего 8%. Наиболее высокие эти цифры в странах, где есть открытая относительно надежная статистика. В Канаде доля ковидных смертей в социальных домах составляет 59%, в Нидерландах - 51%, в Швеции - 47%, в Австрии - 44%. В США зафиксировано 139 699 смертей в пансионатах для пожилых людей, что соответствует 39% от общего числа смертей в этой стра-

не в течение первого года пандемии.

Социальные дома-пансионаты финансирует и администрирует государство, обеспечивая уход и защиту пожилых людей, нуждающихся в поддержке. Эти учреждения должны быть безопасным убежищем от заражения и обеспечивать защищенность своим жителям. Но мы видим обратное. Эти дома стали центрами распространения инфекции среди наиболее уязвимой возрастной категории. Они стали свидетельствами массового провала публичной политики социальной защиты. Неспособность социальных домов предоставить защиту от инфекции по сравнению с надомной заботой нельзя объяснить лишь возрастом подопечных или их хроническими заболеваниями. Нельзя объяснить эту неспособность также недоглядом со стороны персонала или конкретных работников учреждений. Несмотря на то, что сочетание огромного количества локальных факторов, несомненно, повлияло на каждый случай заражения, глобальный характер этого феномена подчеркивает значимость более глубокого теоретического социологического анализа, который позволит выявить общие элементы, характерные для наблюдаемого феномена неудачи системы публичных сервисов заботы и ухода.

В Австралии, как и во многих других странах, критики отмечают, что смерти, о которых идет речь, являются результатом социальной политики, которая позволяет пансионатам для пожилых людей действовать по модели частных бизнес-структур, где приоритетом являются не люди, а получение прибыли. Хотя этот аргумент подтверждается некоторыми конкретными свидетельствами в некоторых странах, международные сравнения показывают, что связь между стремлением к доходности и смертями не является ни универсальной, ни каузальной. В некоторых частных социальных домах было много смертей от ковида, в других – не зафиксировано ни одного случая. В то же время большое число ковидных смертей зафиксировано и в общественных социальных домах. В таких странах, как Нидерланды и Швеция, большое число ковидных смертей в социальных домах совсем не связано с доходами собственников этих учреждений.

>Маркетизация и управление

И все же связь с рынком нельзя упускать из виду. Государственная поддержка пансионатов для пожилых людей развивалась в ответ на историческую неудачу рыночных механизмов социального обеспечения пожилых граждан. Однако в течение последних 20-30 лет рынки заботы снова получили распространение в экономически благополучных капиталистических государствах. Таким образом, все социальные учреждения, которые подверглись рыночным преобразованиям, независимо от формы собственности стали испытывать давление рыночной конкуренции. Этот процесс маркетизации сферы услуг очень напоминает процесс, описанный Поланьи, а именно последствия введения свободного рынка *laissez-faire* в XIX и XX веках. И тогда, и сегодня рыночные механизмы намеренно запускаются государством.

В сфере заботы и социальных услуг маркетизация работает сегодня как легитимирующая логика всей системы и способ действия, который формирует взаимоотноше-

ния между составляющими ее элементами и внутри конкретных сегментов. В результате маркетизации система фрагментируется в вертикальном измерении; при этом формируются иерархии и бюрократическая власть. Происходит также горизонтальная фрагментация системы, разрушающая сотрудничество на локальных и региональных уровнях и в рамках отдельных сфер обслуживания и конкретных учреждений. Хотя Поланьи и не использовал термин «управление» (*governance*), его подход позволяет сформулировать сильную гипотезу, которая помогает объяснить связь между смертями от ковида и маркетизацией. Важно подчеркнуть, что само понятие *governance*-управление возникло в ходе маркетизации и на практике ассоциируется с такой идеологией как «новый публичный менеджмент».

В условиях рыночной конкуренции власть все в большей степени делегируется корпоративному уровню управления, где отдается предпочтение секретности и независимости, а не сотрудничеству и системной интеграции. В социальных домах рыночный акцент на выборе потребителя сопровождается отходом от более традиционной ответственности за санитарную и медицинскую гигиену, что во многих случаях сказывается на требованиях, предъявляемых к профессиональному персоналу. Дома ухода, таким образом, все в большей степени оказываются плохо приспособленными для решения задач предотвращения широкого распространения инфекции. Несмотря на это, к социальным учреждениям ухода предъявлялись требования как к самодостаточным организациям (*self-contained units*), поскольку они не рассматривались как часть более широкой системы медицинского обслуживания в случае острых состояний (в отличие от больниц). Можно предположить, что автономная система управления этими учреждениями сделала их чрезвычайно уязвимыми в отношении распространения коронавируса.

> Результаты прекарной заботы и ухода

Кроме того, маркетизация приводит к возрастающей зависимости социальных домов от прекарного низко оплачиваемого труда по уходу. Давление рынка широко использовалось для снижения оплаты труда низшего персонала помощников по уходу, что позволяло сократить налоговые выплаты и сохранить прибыльность инвестиций в заботу. Накануне эпидемии ковида результатом этого процесса стало сокращение затрат учреждений за счет оплаты труда помощников по уходу и другого персонала, незаменимого для организации жизни в социальных домах.

Многочисленные эпидемиологические исследования и

доклады органов здравоохранения указывают на связь между прекарной занятостью работников, обеспечивающих жизнь подопечных, и распространением инфекции в социальных домах. Чтобы обеспечить свое существование, прекарные работники вынуждены работать в нескольких учреждениях или выполнять в одном учреждении разные функции, и это, несомненно, способствует проникновению пандемии в пансионаты для пожилых. Таким образом, рост прекарности труда по уходу отражает ограниченные возможности рынков заботы, а меры, введенные для обеспечения стабильной хорошей заботы, в настоящее время создают угрозы безопасности опекаемых и подрывают долгосрочные позитивные эффекты заботы и ухода. Если рассматривать уход и заботу как товар, с которым нужно обращаться как с рыночным объектом, то она превратится, как сказал бы Поланьи, в «фальшивый товар» (*false commodity*). Именно этот эффект описывают Бригитт Ауленбахер и ее коллеги в своих последних публикациях.

> Заключение

Эффекты пандемии являются крайне разрушительными для заботы, осуществляемой в социальных домах. Эти эффекты являются не только пагубными, но также проявляют ограничения маркетизации и создают условия, при которых государство должно вновь стать центром социального и политического регулирования. Во время пандемии возвращение государства в сферу социальной заботы наблюдается в большинстве стран. Еще не ясно, является ли эта тенденция предвестником более глубоких изменений, тем историческим сдвигом, который Поланьи в своей концепции двойного движения осмысливал как ответ государства на действия рынка.

Глобальный пандемический кризис и его национальные проявления создают возможности демократических социальных исследований заботы как сущностно значимого социального блага, Необходимо прекратить рассматривать заботу как экономический товар, созревший для более глубокой и чрезвычайной эксплуатации. Но возможно ли возникновение прогрессивного массового социального движения как ответа на недостатки системы, выявленные вирусом? И если в принципе мобилизация возможна, какие социальные условия могут привести ее к успеху? Какие формы может принять такое общественное движение? Подъем движения антиваксеров, вдохновленного теориями заговора и поддерживаемого все более агрессивными и нетерпимыми формами национального политического популизма, показывает, что в этом и заключается главный вопрос, который пандемия ставит перед социальной теорией и социологическими исследованиями. ■

Адрес для связи: <michael.fine@mq.edu.au>

> К современной теории работы

Г. Гюнтер Фосс, почетный профессор, Хемницкий Технологический Университет, Германия

В период индустриального капитализма укрепилось узкое понимание работы как экономической активности, тогда как другие формы работы (напр., домашний труд или забота о семье) стали культурно маргинализованы и практически стали «невидимой работой». Фото: (слева) Creative Commons; (справа) [ILO Asia-Pacific](#). Некоторые права сохранены.

В терминах социологии, работу можно понимать как целенаправленную человеческую деятельность, которая задействует физическую силу и психофизические навыки. Тот факт, что другие критерии (количество усилий, полезность, инструменты, зарплата и т.д.) тоже часто упоминаются как основные аспекты работы, говорит о том, что эта категория далека от точного определения. Хотя работа обычно выполняется отдельными людьми, она всегда, хотя бы косвенно, интегрирована в постоянно изменяющиеся социальные контексты, которые основываются на разделении труда (кооперации, организации и т.д.).

>Что такое работа?

Работа как понятие, как никакая другая категория, подвергается историческим изменениям в научном смысле, и, особенно, как социальная практика. С недавнего времени ведутся острые споры о том, что же такое работа или чем она должна быть. Ниже представлены некоторые рассуждения о том, как определить работу более точно.

Один давний вопрос состоит в том, является ли работа только «бременем» или же она также может прино-

сить «удовольствие» – в результате чувства достижения результата – и быть источником важных возможностей для саморазвития. В этом различии кроются две разные перспективы. Первая видит работу как фундамент человеческого существования, составляющий неотъемлемую возможность опыта, лишение которого равно отказу в удовлетворении неотъемлемых человеческих потребностей или даже в человеческом достоинстве. Конкретные исторические формы работы, однако, часто ассоциируются с трудностями и опасностями для многих социальных групп, что порождает новые формы ощущения бесполезности усилий. Это, например, можно увидеть в различии между латинскими словами «*labor*» (труд, трудность) и «*opus*» (создание; что-то, что было создано), которое отразилось в английском языке в различии между словами «*labor*» (в том числе в значении «роды») и «*work*», и которое в немецком выражено в разнице между «*Arbeit*» и менее употребляемым «*Werk*».

Достаточно хорошо известно различие, которое проводил Карл Маркс (как Адам Смит и даже Аристотель, который употреблял слова *oikonomia* и *chrematistics*) между двумя аспектами работы («двойственный характер»): создание практической «потребительской стоимости»

>>

через «конкретный» производительный труд, с одной стороны, и производство экономической «меновой стоимости» через «абстрактный» труд, с другой. Углубление этого контраста, согласно этому аргументу, систематически усугубляется в условиях капитализма и приводит к усиливающимся общественным противоречиям.

Хотя предположение, что работающие люди в развитых обществах, прежде всего, стремятся зарабатывать деньги, долгое время не подвергалось сомнению, более широкое понятие работы, используемое сегодня, указывает на растущее признание того, что работа исторически принимала и принимает разнообразные формы, которые отличаются не только по содержанию, но и по социальному восприятию. Это также означает, что специфические формы работы постоянно меняются. Наряду с формами, ориентированными на заработок (большинство типов работы по найму и, для небольшого количества людей, большое количество форм самозанятости), существует значительное разнообразие других проявлений работы: «волонтерская работа» или «гражданский активизм» (обычно без цели заработка); «работа по мандату» или «политическая работа»; «домашняя работа» (покупки, приготовление еды, уборка и т.д.); «семейная работа и забота о близких» (воспитание детей, кормление, уход за пожилыми и т.д.); «зарабатывание на жизнь» или «работа для выживания» (прямое производство товаров, в том числе для собственного потребления); «принудительный труд» (осуществляемый заключенными, солдатами-призывниками, рабами и т.д.).

Также длительное время работа рассматривалась, в первую очередь, как материальная «производительная» деятельность, что, однако, оказалось достаточно неточным описанием действительности во многих отношениях. Постепенно становилось понятно, что «непроизводительная» работа тоже очень важна (например, административная работа, работа, основанная на знании) и что «услуги», которые долгое время не были осмыслены как производительный труд, становятся все более значимыми (например, персональные, информационные, финансовые и технические услуги).

Не менее важным было признание, хоть и неохотное, того, что многие типы работы являются откровенно «деструктивными» (военная работа, насильственная криминальная деятельность, разрушительная трансформация и/или прямое разрушение природного мира). Последнее иллюстрирует, что работа всегда обозначает постоянное изменение форм, и создает новые формы (например, стул), уничтожая старые (например, дерево).

Кроме того, оценка часто упоминаемой «полезности» работы может очень сильно различаться в зависимости от точки зрения. То, что может казаться благоприятным в одних контекстах, может обернуться значительным неудобством в других. То, что может быть полезно в краткосрочной перспективе, может нанести большой вред в долгосрочной.

Еще один вопрос, который сегодня стал по-новому актуален, это то, является ли работа эволюционно ис-

ключительно атрибутом людей как «вида-сущности» (*Gattungswesen* у Маркса), или же другие живые существа тоже осуществляют работу. Недавние этнологические находки показывают, что работообразная деятельность, случайное изолированное использование рудиментарных инструментов, и даже некоторые формы производительной деятельности не эксклюзивны для плацентарных животных, не говоря уже о людях. На самом деле, уже Маркс признавал, что животные могут работать и даже использовать инструменты. Он доказывал, что человеческий труд характеризуется производством инструментов, и, в первую очередь, контролирующим сознанием, которое и отличает «худшего архитектора» от «лучшей пчелы» (образы, к которым обращается Маркс). Сегодня нам бы пришлось добавить еще один (иногда достаточно тревожащий) вопрос: до какой степени сложные машины и процессы тоже выполняют работу (например, гибкая автоматизация, роботы, искусственный интеллект)?

> Исторически меняющиеся понятия работы

Такое концептуальное напряжение показывает, что различные понятия работы сильно различались на протяжении истории, что представляет собой социологическую проблему. Для иллюстрации можно обратиться к истории:

- В греко-римской античности, изготовление вещей с помощью физической активности (сегодня рассматриваемое как «труд») для ежедневного практического применения было в первую очередь задачей несвободных рабов и женщин, тогда как деятельностью свободных граждан (мужчин) была политическая или философская интеллектуальная работа и, в какой-то степени, военная служба. Искусство ремесленников (*techne*) представляло собой промежуточную форму.

- В раннем христианском феодализме европейских Средних веков, распространенное понятие работы подразумевало физическую, по большей части сельскохозяйственную, деятельность, которой обычно занимались несвободные люди. Кроме этого, были «свободные» занятия элит (знати и духовенства). В этом контексте важна устойчивая негативная окраска физических занятий как божественного наказания за грехопадение человека и изгнание его из Рая. Напротив, высоко ценилась религиозная практика («молитвенное служение»). Это понимание работы постепенно сдвигалось к более позитивному взгляду на практические физические дела, которые стали рассматриваться как отражающие божественность или даже Божественную волю. В монастырях возникла трудовая культура, в которой производительный труд ценился, если не наравне с религиозным служением, но все же достаточно высоко (*ora et labora*).

- С развитием городов, сочетание растущей ремесленной культуры, межрегиональной торговли и технологического прогресса не только способствовало высокой оценке производительного труда, но также ориентации на заработок, которая была окончательно и открыто де-табуирована. Лютер и Реформация придали труду ради дохода почти божественный статус («призвание» или *Berufung*). Макс Вебер подчеркивает это в своем тезисе

>>

о протестантской этике, отмечая присущие кальвинистской доктрине предназначения бесконечные попытки обнаружить признаки божественной избранности через стремление к профессиональному успеху, что, по Веберу, стало центральным фундаментом западного капитализма. Возрождение и Просвещение придавали большое значение работе как основе индивидуальной самореализации, если не как естественному праву человека.

- В период индустриального капитализма укрепилось еще более узкое понимание работы как экономической активности, тогда как другие формы работы (напр., домашний труд или забота о семье) стали еще более культурно маргинализованы и практически стали «невидимой работой». В качестве работы формально признавались только виды деятельности, основанные на использовании все более специализированных навыков. Большинство населения (включая детей, как это до сих пор происходит в некоторых регионах) твердо зависело от наличия денежных средств существования, которые можно было получить, продавая свою рабочую силу на специализированных рынках («рынках труда»). Те, кому было отказано в работе или те, кто потерял работу, рассматривались как «безработные» или «люди без работы» (каковыми они, на самом деле, не являлись).

История работы как вида деятельности разворачивается параллельно с социальным пониманием работы, но это не одно и то же. Доминирующая точка зрения всегда схватывает только небольшой срез всего спектра релевантных видов деятельности. Многие важные для общества задачи, в то же время, систематически игнорируются и недооцениваются. Вдобавок к этому, реальная история работы, с одной стороны, это история «инструментов» и, значит, история взаимодействия людей как «природных существ» с их природными жизненными условиями и их «внутренней природой» (Маркс). В этом смысле, история работы – это, с одной стороны, история удивительных изменений человеческих способностей и навыков, технологических возможностей и использования потенциала природы. Одновременно, это история разрушения природных и культурных ценностей, эксплуатации и отчуждения людей и бесконечно повторяющихся форм бесполезности усилий. Это противоречие актуально и по сей день, особенно вдалеке от центров современного капитализма. И не в последнюю очередь, этот процесс изменений в понимании работы включает историю систематического исключения людей – как локально, так и глобально – из того, что мы понимаем под работой, и соответственно, из доступа к трудоустройству, которое позволило бы им иметь средства на жизнь. С того времени, как новые виды массового обнищания, появившиеся в первые годы индустриализации, были нейтрализованы с помощью введения (ограниченных) систем социальной поддержки в некоторых регионах, риски, связанные с дерегуляцией этих систем и вообще рабочих отношений, снова повсеместно растут. Многих это может удивлять, но есть множество свидетельств того, что заболевания, связанные с работой, проявляются не только физически, но и как острые психологические состояния, даже в государствах благосостояния Глобального Севера.

> Социологические теории работы

В социологии предмет работы обсуждался множество раз (хотя часто довольно избирательно). При этом социологи заимствовали понятия из разных дисциплин. Но только с приходом двадцатого века формирование социологической теории приобрело более широкий охват. Следующие примеры хорошо это иллюстрируют:

- Георг В.Ф. Гегель с его идеалистической философией субъекта – самый влиятельный теоретик работы раннего модерна. Он рассматривает работу как интеллектуальную «экстернализацию» (и в то же время, как само-«отчуждение») человеческих существ, которая становится основой того, чтобы в дальнейшем они могли увидеть себя отображенными в результатах своего труда и достичь «самосознания» через субъективную «апроприацию» этих результатов.

- Карл Маркс следует за Гегелем, но рассматривает работу не только как «чисто интеллектуальную», но и как «чувственную человеческую деятельность» и преимущественно как экономическую производительную деятельность. Он развивает свою изначально позитивную точку зрения на работу и критику труда в условиях капиталистических социальных отношений, называя основную форму работы при капитализме отчужденным «наемным трудом». Согласно Марксу, люди могут существовать только если продают свою «рабочую силу», т.е. свою способность работать, как товар. Работа как часть надзираемых и контролируемых процессов на рабочем месте составляет основу экономической эксплуатации для производства «прибавочной стоимости» и экономической «прибыли». Таким образом, антропологически вероятная возможность само-определяемого человеческого опыта работы оказывается систематически искажена и, в конце концов, полностью подорвана.

- В одном из своих ранних трудов, Эмиль Дюркгейм предложил модель социальной дифференциации. «Разделение труда» для него подразумевает категоризацию способностей общества на специализированные профессиональные функции. Исторически, он рассматривает переход от малоразвитого «механического» разделения функций с единообразными социальными единицами («сегментное разделение труда» и «солидарность», обеспечиваемая с помощью культурных ценностей) к дифференцированному «органическому» распределению функций между все более различающимися единицами (где новый тип социальной связанности возникает благодаря функциональной зависимости).

- Ханна Арендт различает несколько фундаментальных форм человеческой деятельности. Отталкиваясь от аристотелевских категорий *poiesis* (создавать, производить) и *praxis* (деятельность свободных людей или деятельность души), она предлагает три категории. Первая из них – «труд» – деятельность, которая продолжает материальное существование вида, подразумевает не свободу, а подчиняется абсолютному императиву поддержания жизни. Вторая категория – «работа» – противостоит труду. Она предполагает физическое производство долго-

вечных вещей для повседневной жизни и связанное с этим появление повсеместного «искусственного» мира, который воспринимается как чуждый человеку. «Действие» - третья категория, вводимая Арент по аналогии с аристотелевским *praxis*, - обозначает формирование социальной множественности благодаря пониманию. Отдельный человек может выжить, не осуществляя «труда» или «работы», но, как социальное существо, он экзистенциально зависит от политического «действия».

- Юрген Хабермас противопоставляет два типа человеческой деятельности: «инструментальная» деятельность в форме труда, направленного на функциональное материальное производство, и «коммуникативное действие» - производство социальности. В исторических терминах, он рассматривает социально необходимое, направленное на понимание, действие в социальном «жизненном мире» как подверженное угрозе со стороны инструментального действия, производимого в рамках систем, ориентированных на эффективность (экономика, общество).

Несмотря на то, что «работа» в широком смысле охватывает значительную долю человеческой деятельности,

человеческое существование не может быть сведено к ней. Человеческие существа не являются (как многим до сих пор кажется) преимущественно корыстными, одержимыми работой существами в «рабочем мире». Такое видение не охватывает различий между многими другими важными видами человеческой деятельности. Такие категории, как «отдых», «восстановление сил» или «спорт» пытаются включить это «другое», иногда сталкиваясь с теми же сложностями в попытках сформулировать четкие определения (как, например, в отношении трудовых аспектов спорта и игры). В отношении понятия работы, задача состоит в том, чтобы преодолеть бинарное видение, основанное на претензии на статичную правдивость. Реляционное понимание, основанное на гибких параметрах, позволяющих идентифицировать конкретные способы проявления «работы» в разных видах деятельности, было бы гораздо более актуально. Только так мы сможем понять упомянутое выше современное разнообразие форм и понятий работы. ■

Адрес для связи: <info@ggv-webinfo.de>

> COVID-19 и трудовые мигранты в Индии

Рафия Казим, Университет ЛНМ, Индия, член ИК МСА «Социология образования» (ИК04), «Язык и общество» (ИК25), «Женщины, гендер и общество» (ИК32) и «Визуальная социология» (ИК57)

Рабочие мигранты возвращаются в свои деревни после объявления локдауна 1.0 в 2020 на границе Дели-Раджастан. Фото: Ибсар Хуссейн.

Внезапное объявление Локдауна 1.0 в ночь на 24 марта 2020 года обнаружило неготовность индийского правительства к совладанию с пандемией COVID-19 и с любым другим кризисом в отношении здоровья. Граждане оказались в ситуации хаоса: в их распоряжении было всего 4 часа до начала действия указа о прекращении всех видов деятельности на национальном уровне. Нежелание государства предпринимать какие-то действия в отношении мигрантов и городской бедноты стало очевидным. Локдаун оказал непосредственное катастрофическое воздействие на тех, кто получал поденную оплату за свой труд.

Большинство из них фактически не имели сбережений, им на самом деле угрожал голод, они оказались перед лицом неопределенности и были вынуждены возвращаться в свои родные места. Согласно статистике ВОЗ, в течение первой недели Локдауна 1.0 около 50000 мигрантов отправились в свои города и деревни из таких метрополий, как Дели и Мумбаи.

Случаи, когда трудовые мигранты умирали по дороге домой, пешком преодолевая огромные расстояния, еще более обнажили прекарную ситуацию мигрантов в Индии. 8 мая 16 трудовых мигрантов, спящих на железнодорожных путях в Аурангабаде, были задавлены товарным поездом. Вместо того чтобы призвать к ответу за это трагическое происшествие полицию, которая безжалостно преследовала тех, кто шел по дорогам и вынуждала напуганных мигрантов выбирать альтернативные и сравнительно безопасные пути домой, правительство всю вину взвалило на

мигрантов, которые были так глупы, что спали на рельсах. Возвращаясь домой, мигранты погибли по дороге, далеко от родины; они стали жертвами не ковида, а безразличия правительства.

Ироничным образом, для «социального государства» бедные мигранты остаются всего лишь «целевой категорией населения», лишенной какого-либо «законного гражданства». Государство предоставляет им несколько инструментов социальной поддержки лишь после того, как подсчитает политические выгоды, которые ожидает получить от их пребывания в местах приезда.

>Квинтэссенция не-гражданства!

Жизнь мигрантов полна сложностей и неопределенностей. Эта прекарность поддерживается чувством отчуждения, которое мигранты испытывают перед лицом враждебных горожан. Для жителей городов, которые претендуют на статус легитимных граждан, мигранты являются «анонимными другими» (“*anonymous other*”), демографической и эмпирической категорией людей, которые хотя и нужны для уборки жилищ и городов, строительства дорог, мостов и торговых центров, остаются нежелательными и рассматриваются как угроза эстетике городского пейзажа. Такая коллективная враждебная антипатия со стороны государства и «легитимных граждан» делает выживание городской бедноты сложным даже в обычное время а, тем более, во время чрезвычайных

>>

ситуаций природного происхождения. Мигранты живут на задворках городского пространства как «анонимные другие» и не имеют возможности развить в себе чувство принадлежности к городу.

>Идентичность и принадлежность

Политика идентичности и принадлежности показывает, кем является человек и кем он не является, т.е. к какой категории он не принадлежит. Понимание «дома» информировано соотношением принадлежности и идентичности; оно не определяется просто указанием на место и время. Именно поэтому даже после многолетнего проживания в принимающих городах мигранты мечтают вернуться в родные деревни. Таким образом «принадлежность» предполагает непреднамеренное создание социально-экономических, культурных, региональных и кастовых границ. Например, в Дели мигрант из Бихара приходит к пониманию того, кем он является и какова его принадлежность, благодаря созданию множества границ, отражающих его многомерную идентичность как бихарца, мигранта, рабочего на поденной оплате, жителя трущоб, плохо одетого, немытого и нелегитимного участника городского пространства. Его региональная идентичность (как бихарца) признается «легитимными гражданами Дели» как объяснение любого типа насилия, криминальной активности, случившихся с ним несчастных случаев и происшествий. Эти «легитимные граждане» уверены, что они наделены легитимными правами собственности на Дели и на безопасное проживание в своем городе.

>Все отдать за оплакиваемую смерть?

Согласно Джудит Батлер, возможность быть оплаканным и стать объектом и субъектом горевания (*grievability*) является атрибутом человеческого существования. Эта способность приписывается тем, кто считается живущим и чьи жизни считаются достойными переживания. Трудовые мигранты и городская беднота считаются «анонимными другими», обозначаются лишь безликими цифрами, неспособными к гореванию и недостойными оплакивания. Эти люди уверены, что смерть в собственном доме (к которому принадлежит человек) поднимет уровень горевания потому, что дома человек является «социально конституированным телом», которое связано с другими телесно воплощенными людьми. В процессе переживания утраты происходит трансформация тех людей, которые имеют отношение к расстающимся с жизнью и их душам. Все более очевидным становится тот факт, что для трудовых мигрантов, выбор места смерти важнее, чем выбор того, как умирать. Это происходит по той простой причине, что смерть в родных местах и сопровождающее ее оплакивание проявляют уважение к ним как к человеческим существам. На родине к ним отнесутся не как к представителям безликой безымянной бездомной и расходной популяции; их смерть будет оплакана должным образом.

Частично именно такими убеждениями можно объяснить, казалось бы, безрассудное движение тысяч трудовых мигрантов, которое растянулось по всей огромной Индии. Готовность этих людей на пути домой столкнуться с множеством

В таких условиях рабочие мигранты из деревень живут в Хайдарабаде после снятия локдауна. Они живут у дорог как сквоттеры и работают на стройках, одновременно продолжая заниматься традиционным ремеслом шлифовки камня. Фото: Рафия Казим

опасностей – ковидом, голодом, истощением, жестокостью полиции – свидетельствует о том, что трудовые мигранты озабочены не столько финансовыми вопросами, сколько психологической и социальной безопасностью.

Сама мысль о том, чтобы умереть на чужой стороне (*pardes*), психологически невыносима для мигранта. Некоторые из них говорят, что если им суждено, то они предпочтут встретить смерть «дома», нежели в городах. Именно страх перед неоплаканной смертью остро ощущаются теми, кого, по словам Арджуна Аппадурай, общество «не в полной мере считает человеческими существами» (*infirm and insufficient humans*).

>Закключение

Тот факт, что трудовые мигранты в Индии не обладают коллективным голосом, лишает их любой сколько-нибудь значимой переговорной силы. По глобальным стандартам, оплата их труда является крайне низкой. Большинство из них выживают благодаря жалким поденным заработкам.

В настоящее время правительство должно разработать всесторонние комплексные программы в отношении трудовых мигрантов. Государство должно также создавать базу данных и требовать официальной регистрации трудовых мигрантов. Власти должны стать сенситивными в отношении городской и сельской бедноты Индии. Приоритетом социальной политики должна стать сельская Индия; планы социального развития должны во главу угла поставить именно сельское население - деревню. Жизнь трудовых мигрантов также имеет значение! ■

Адрес для связи: <rafiakazim@gmail.com>

> Неформальная и прекарная работа в глобальном контексте

Крис Тилли, Университет Калифорнии, Лос-Анджелес, США, член ИК МСА по социологии труда (ИК30), рабочему движению (ИК44), социальным классам и общественным движениям (ИК47)

«Без контракта и без достойного обращения моя работа невидима». Протест домработниц в Мехико, 2018. Фото: Хеорхина Рохас-Гарсия.

> Прекарность относительна в пространстве и во времени

Как прекарная, так и неформальная работа определяются в относительных терминах, поэтому всегда необходимо уточнять национальный контекст. Десять лет назад на одной конференции я слышал такой комментарий Акии Бритвум (*Akuu Britwum*), исследователя труда из Ганы, к презентации представителей Международной организации труда (МОТ) о прекарной работе: «То, что вы называете прекарной работой, у нас в Гане называется просто работой». Годами позже, другой представитель МОТ говорил мне: «Корейские рабочие были бы счастливы иметь работу, которую немецкие рабочие называют прекарной. А южноафриканские рабочие мечтают о той работе, которую корейские называют незаконной».

Что нового во всем этом? Неформальность и прекарность очевидно не являются новыми феноменами. Более того, то, как Маркс и Энгельс описывают рабочих мануфактуры в *Манифесте коммунистической партии 1848 года*, звучит очень похоже на современное описание неформальной работы. Это не значит, что в те времена вся работа была неформальной. Большая часть мира работала в условиях несвободных форм труда, управляемых сложными сводами правил – имущественное рабство, принудительный труд, пеонат, издольщина и т.д. Было бы точнее сказать, что во времена Маркса появлялись и развивались новые формы прекарной неформальной работы.

На самом деле, неформальная и прекарная работа никогда не исчезала. Например, знаменитая японская модель пожизненного найма всегда включала только меньшинство рабочих, исключая женщин, молодых и пожилых людей и мигрантов. Даже в Северной Европе, Соединенных Штатах и других бывших британских переселенческих колониях во время «золотой эры» формального труда в 1950-1960-е гг. многие трудились на неформальных и прекарных рабочих местах. Это, прежде всего, касалось женщин, молодых рабочих и мигрантов. К категории мигрантов относятся как заграничные, так и внутренние: в моей

Неформальная работа – это оплачиваемая работа, которая легальна сама-по-себе, но остается за пределами стандартного трудового законодательства. «За пределами» здесь означает, что эта работа попросту не регулируется этим законодательством. Такие самозанятые, как уличные торговцы, и многие другие, работающие на кого-то другого – домработницы, сельскохозяйственные рабочие, поденные работники – являются в этом смысле неформальными во многих частях света. «За пределами» означает, что в теории закон применим, но на практике он не применяется. Сюда входят многие работники малых предприятий – например, маленьких магазинов или ресторанов – но также и работники некоторых очень больших предприятий. Очень важно понимать, что неформальная занятость не ограничивается людьми, занятыми в неформальном теневом бизнесе. В Мексике, например, большинство неформальных работников трудятся на вполне формальных предприятиях. Хотя неформальная работа может казаться маргинальным феноменом и не вызывать большого интереса на Глобальном Севере, *большинство работников мира заняты неформально*, и давно пора уделять больше внимания неформальной работе и тому, как можно улучшить ее условия.

С недавних пор стал популярным еще один термин, «прекарная работа». Этот термин чаще всего описывает формальную занятость, которая отвечает базовым критериям трудового права, но обозначает работу, более нестабильную и низкооплачиваемую в сравнении со «стандартными отношениями найма». Оба понятия пересекаются: прекарная работа не обязательно нарушает закон, но большинство неформальных форм работы являются прекарными.

>>

Мирта Витбой выступает на собрании Международной федерации домработниц (IDWF), 2011. Витбой, лидер Южноафриканских домработниц и сама домработница в прошлом, занимает пост председателя федерации. Фото: IDWF.

стране, в Соединенных Штатах, самой большой группой мигрантов в те десятилетия были шесть миллионов родившихся в США афроамериканцев, мигрирующих с Юга на Север. Кроме того, за 22 года существования программы *bracero*, ввозившей гостевых работников из Мексики, также было заключено 4.6 миллиона трудовых контрактов.

Новое *сейчас* является в каком-то смысле повторением того, что было новым в 1848 году: неформальная и прекарная работа распространяются на регионы и популяции, где раньше их не было. Отсюда возникает вопрос: неформальная и прекарная работа определяются в отношении некоторой «стандартной» формы занятости. Но что происходит, когда «стандартная» занятость становится такой редкой, что уже не является такой уж «стандартной»? Этот вопрос наиболее остро стоит на Глобальном Юге, где большинство населения занято на неформальных местах работы (более 90% в Индии). Реальная проблема здесь не концептуальная, а практическая: как мы можем защитить качество рабочих мест, которые все больше деградируют из-за неформализации и прекарнизации?

> Организация прекарных работников

Ключевая часть ответа – это организация самих прекарных работников. Неформальные рабочие во времена Маркса, безусловно, организовывались в профсоюзы, некоторые из которых существуют до сих пор. Современные прекарные и неформальные работники тоже организуются в профсоюзы (там, где это легально), ассоциации, кооперативы и другие объединения. На самом деле, за последние годы им удалось достичь крайне значимых побед рабочего класса. Примерами являются принятие 189 Конвенции МОТ, защищающей права домработниц, и недавний закон, легализующий уличную торговлю в Индии.

Организации прекарных неформальных работников свойственны три особенно характерных черты. Во-первых, их отношения с капиталом часто являются крайне сложными. Настоящий работодатель может скрываться за слоями субподрядчиков, или же работники могут эксплуатироваться могущественными поставщиками или посредниками. У большинства работников сравнительно мало структурных экономических рычагов давления – забастовка может быть совсем не эффективной тактикой. Во многих случаях правительство вовлечено в эксплуатацию неформальных рабочих. Так было, например, когда правительство США устанавливало условия программы *bracero* или когда полиция преследовала уличных торговцев и вымогала их выручку. По всем этим причинам, прекарные и неформальные рабочие часто адресуют свои

требования государству, настаивая на льготах и защите.

Во-вторых, среди неформальных и прекарных рабочих, до сих пор больше всего представителей групп, маргинализованных по другим признакам: женщины, субординированные расовые и этнические группы или мигранты. Поэтому они часто организуются на основании этих идентичностей, а не только на основании работы. Во многих случаях их идентичности интерсекциональны и включают несколько идентичностей.

Наконец, тот факт, что они стремятся заставить государство действовать в свою защиту и что у них интерсекциональные идентичности, означает, что эти группы работников часто полагаются на построение альянсов – например, с женским движением, движением за права мигрантов, этническими правозащитными организациями и профсоюзами.

Защита прав неформальных и прекарных работников – это самый большой вызов для людей труда в глобальном мире. Эти работники сами берут на себя инициативу. Остальные – как наемные работники, ученые и граждане – должны присоединиться к их борьбе. ■

Адрес для связи: <tilly@luskin.ucla.edu>

Пабло Альвараро (крайний слева), со-исполнительный директор Национальной сети поденных работников США (NDLON) в Общественном центре трудоустройства Пасадены (Калифорния), аффилирован с NDLON с работниками и союзниками, 2017. Фото: Общественный центр трудоустройства Пасадены.

> Критика правил регулирования надомной заботы в Австрии, Германии и Швейцарии

Бригитте Ауленбахер, Университет Йоханнеса Кеплера, Австрия, член ИК02 «Экономика и общество», ИК19 «Бедность, социальное обеспечение и социальная политика», ИК30 «Социология труда», ИК32 «Женщины, гендер и общество», **Аранка Ванесса Бенажа**, Университет Гете, Германия, **Хельма Лутц**, Университет Гете, Германия, член ИК32 «Женщины, гендер и общество»; ИК38 «Биография и общество»; президент ИК05 «Расизм, национализм, индигенность и этничность», **Вероника Прилер**, Университет Йоханнеса Кеплера, Австрия и член ИК19 и ИК32, **Дженнифер Стайнер** и **Карин Швитер**, Университет Цюриха, Швейцария

Фото: Эва Ланганс.

> Пансионаты для пожилых: новые рынки заботы и precarious труд мигрантов

Подобно многим другим странам, Австрия, Германия и Швейцария все больше сталкиваются с тем, что называют «разрывы в заботе» (*care gaps*). В этих странах наблюдается старение населения, сокращаются возможности обеспечить пожилых неформальной домашней заботой, а конфигурация социального государства ориентирована на доминирующую в настоящее время модель взрослого работника (*adult worker model*). В то же время государство все в большей степени снимает с себя ответственность за обеспечение социальных услуг - особенно в сфере долгосрочной заботы о пожилых. Все эти процессы привели к возникновению прибыльного рынка услуг, который становится посредником транснациональных укладов домашней заботы. Аутсорсинг домашней заботы происходит за счет труда сезонно циркулирующих трудовых мигранток (хотя иногда труд по уходу выполняют и мужчины) из новых государств ЕС и из стран Центральной и Восточной Европы. Эти работники ухаживают за пожилыми людьми на основании совместного проживания в их домах и квартирах

в течение нескольких недель или месяцев (*live-in care*). На этом быстро растущем и конкурентном рынке заботы все большую роль играют посреднические фирмы. Эти агентства по найму способствуют частичной формализации прежде теневого рынка, однако, не оказывают существенного влияния на условия труда наемных работников. От работников с проживанием часто ожидается круглосуточная готовность предоставлять услуги, а оплата их труда гораздо ниже средней локальной заработной платы. Хотя забота с проживанием является в высшей степени precarious сферой занятости во всех трех странах, различия в ее регулировании оказывают влияние на общественную дискуссию и открывают возможности критики.

> Австрия: самозанятые работники сферы заботы

В Австрии забота с проживанием регулируется правилами профессиональной самозанятости. Правила начисления заработной платы и регулирование часов работы не распространяются на ухаживающих на дому. Такое устройство является гибким и относительно экономически выгодным для домохозяйств и австрийского социаль-

>>

ного государства. Однако такая модель самозанятости вызывает критику. Ее оппоненты утверждают, что вопреки идеальным представлениям о работниках заботы как независимых участниках рынка, на деле, агентства занятости оказывают существенное влияние на условия их труда. Так, например, именно эти агентства в основном определяют цены на услуги и оплату труда. В связи с этим инициативные группы самоорганизованных домашних работников требуют прекратить деятельность агентств, которые они считают фиктивными. «Агентства и Торговая Палата» - структура, которая формально представляет интересы как агентств по найму, так и работников - стремится к дальнейшей формализации и профессионализации существующей модели. Австрийский «Знак качества - ÖQZ-24», который может получить агентство по найму, является одним из результатов лоббирования этой модели. Введение этого регулятора представляет собой попытку сформировать рыночную конкуренцию в интересах служб занятости, которые на самом деле ограничиваются минимальными стандартами. Поскольку «Знак качества» создан для того, чтобы улучшить качество заботы (в большей степени, чем качество работы), это нововведение воздействует на условия труда только косвенно, а не считает их проблемой, требующей особого внимания. В настоящее время набирает обороты борьба профсоюзов и работников сферы заботы и ухода за улучшение условий труда, но результаты этой борьбы еще не значительны.

>Германия: приехавшие помощники по уходу (posted care workers)

В Германии не существует каких-то особых правил регулирования труда домашних работников с проживанием. На них распространяется общее трудовое законодательство. Это отображается во множестве правовых рамок, на которые ссылаются агентства занятости. Большинство таких служб используют модель привлечения работников из-за рубежа (*posting model*). Сиделок и помощников по уходу нанимают агентства в отсылающих странах; предполагается, что агентства также оплачивают их страховки. При этом эти службы занятости должны подчиняться основным условиям труда в Германии (например, выплачивать не меньше минимальной оплаты труда, и не превышать максимальное число рабочих часов). На самом деле, эти правила обычно нарушаются. Транснациональный характер этой работы и особенно локализация рабочего места в частном домохозяйстве препятствуют адекватному контролю условий труда. Более того, представители профсоюзов и другие стейкхолдеры критикуют нехватку правового регулирования (*regulatory gap*) и связанную с ней недостаточную социальную защищенность работников. Достижение правовой определенности является также основной целью индустрии заботы - эта цель работы ассоциации, представляющей интересы бизнеса социальных услуг - *VNBP*. Более того, агентства занятости стремятся стать официально признанной новой институциональной составляющей германского сектора долговременного ухода. Они стараются добиться того, чтобы законодательство поддерживало их интересы. Все это может быть расценено как попытка институционализации сектора долговременного ухода снизу. Что касается самих работников сферы заботы, то можно сказать, что социальные медиа становятся важным инструментом для их коммуникации и неформального обмена знаниями. Однако в настоящее

время политическая самоорганизация работников этой сферы находится в зачаточном состоянии.

> Швейцария: забота как наемный труд

В Швейцарии уход с проживанием оформляется как отношения найма. Только агентства занятости, зарегистрированные в Швейцарии, имеют право выдавать лицензии на работу в частных домохозяйствах (лицензирование домашнего персонала) или быть посредниками найма работников в домохозяйствах (подбор персонала). В отличие от Австрии и Германии, самозанятость или выписывание персонала из-за границы запрещены законом. Кроме того, уход с проживанием не институционализирован в качестве еще одной подсистемы режима долгосрочного ухода. Финансовая поддержка государства ограничена (медицинскими) сестринскими услугами по уходу. В связи с этим люди должны сами оплачивать расходы за услуги заботы с проживанием. Что касается трудового права, то работа в частных домохозяйствах не регулируется федеральным трудовым кодексом. Это означает, что помощники по уходу не обладают такой степенью социальной защищенности, как другие работники. Так, например, на них не распространяется закон о максимальном количестве часов работы или работы в ночное время. И хотя трудовое право определяет минимальную почасовую оплату труда, это не решает проблемы, поскольку «работа по вызову» не подчиняется регулированию. В последние годы в стране идет правовая и медийная дискуссия, проблематизирующая прекарные условия труда в этой сфере занятости. По контрасту с двумя другими странами в этом обсуждении ключевую роль играет самоорганизация и юнионизация работников сферы заботы.

>Заключение: забота с проживанием как внутренне проблематичная модель

Сравнение трех стран показывает, что (особенно в Германии и Австрии) брокерские агентства занятости и их представительства являются мощными игроками в продвижении и формировании правового регулирования надомного труда. В то же время голоса трудовых мигрантов остаются в основном неслышимыми. В случае Швейцарии формализация надомной заботы как отношений найма способствовала низовой организации работников и созданию профсоюзов. Эти обстоятельства способствовали росту общественного внимания к проблемам работников заботы.

Несмотря на эти различия, модель заботы с проживанием выстраивается за счет прекарных условий труда циркулярных трудовых мигрантов во всех трех странах. Кроме того эта модель сокращает ресурсы заботы в отсылающих странах Центральной и Восточной Европы. Наши исследования заставляют нас высказать опасения в отношении дальнейшей институционализации заботы с проживанием в качестве необходимой составляющей системы долгосрочного ухода. Такой шаг будет лишь способствовать большему закреплению эксплуатации. Несомненно, устойчивое решение проблемы нехватки заботы (*care gap*) требует фундаментальной переоценки заботы. Такой ценностный сдвиг приведет к тому, что забота о пожилых будет обеспечиваться приходящими работниками, которые будут зарабатывать достаточно для того, чтобы жить в той же локальности, что и опекаемые ими люди. ■

Адреса для связи:

<brigitte.aulenbacher@jku.at>, <lutz@soz.uni-frankfurt.de>, <karin.schwiter@geo.uzh.ch>

> Будущее работы в цифровую эпоху

Ханна Доусон, Рут Кастель-Бранко и Сара Кук, Университет Витвотерсрэнда (ЮАР), и Эдвард Уэбстер, Университет Витвотерсрэнда, бывший президент ИК МСА по Рабочему движению (ИК44)

Неформальная рабочая зона курьеров на Кампус Сквер, Йоханнесбург, Южная Африка, март 2020, Фото: Фикиле Масикане.

Широко распространено мнение, что развитие цифровых платформ занятости меняет будущее работы. В то время как некоторые хвалят «экономику платформ» – включающую работу, выполняемую на веб-серверах («crowd work») и работу, привязанную к конкретному месту («location-based work») – за обещание свободы и гибкости, исследования показывают, что платформенная экономика делает работу более нестабильной и перекладывает риски, связанные со здоровьем и безопасностью работников на них самих.

По большей части, эта дискуссия подразумевает, что цифровые платформы создают «новые» типы работы. Однако большинство этих видов работы существуют уже давно: такси со счетчиками, сервисы доставки еды из ресторанов и сервисы уборки. Что же «нового» в этих появляющихся формах спорадических подработок? И как цифровые платформы меняют значение формальной и неформальной работы?

> Что «нового» в работе платформ на Глобальном Юге?

Наиболее яркая отличительная черта экономик Глобального Юга – это высокий уровень неформальности. «Новые формы» спорадической работы появляются в контекстах, где неформальные трудовые отношения давно являются скорее нормой, чем исключением. Доклад Международной организации труда (МОТ) о работе на цифровых платформах отмечает, что в Африке, например, более 80% населения зарабатывает на жизнь в основном неформальными видами деятельности.

Неформальные трудовые отношения долгое время

определялись по контрасту с формальным трудоустройством – временная, а не регулярная работа, отсутствие стандартизированного письменного контракта, никаких социальных гарантий или льгот и отсутствие коллективной деятельности и представительства интересов работников. На самом деле, неформальная работа предполагает целый ассортимент видов занятости с различными условиями трудоустройства. Чен¹ выделяет среди них три группы. Первую составляют *операторы собственных аккаунтов*, которые владеют средствами производства, работают автономно и продают свои товары на рынке напрямую. Во вторую входят *наемные работники собственников аккаунтов*, которые вовлечены в отношения найма, замаскированные под коммерческие контракты. Третья группа – это *наемные работники*, которым недоступны преимущества трудовой и социальной защиты в силу стремления работодателя уйти от налогов. Гендерная, расовая и другие структурные иерархии часто отражаются на условиях труда этих категорий работников. Так, среди работников-обладателей собственных аккаунтов, где доход выше и риск бедности ниже, преобладают мужчины, а женщин больше в низкооплачиваемых видах деятельности.

Работа на платформах воспроизводит многие из этих черт неформальности. Работников платформ часто относят к категории *независимых* контрактников, и поэтому у них нет оплачиваемых отпусков и больничного листа, льгот (включая материнские), социальной защиты или трудовой и медицинской страховки. В то же время, они экономически *зависят* от платформы, на которой работают, и практически не имеют контроля над приложением. Как верно замечают Вебстер и Масикане², такие работники подчинены «авторитарному управлению алгоритма», который распределяет задачи, следит за про-

>>

изводительностью, определяет оплату и может уволить работника в одностороннем порядке.

В работе, связанной с геолокацией (например, сервис доставки), в первую очередь, заняты молодые мужчины, которые работают много часов в день и общаются с клиентами напрямую. Хотя почасовая оплата маленькая, заработок там обычно лучше альтернатив; и так как спрос и предложение определяются локально, работникам проще организовываться. Напротив, онлайн-работа (например, редакция) выполняется невидимыми работниками на Глобальном Юге для клиентов на Глобальном Севере. Из-за более короткого и гибкого рабочего дня, такая работа привлекает больше женщин, которые вынуждены совмещать продуктивные и репродуктивные задачи.

Цифровые платформы хоть и разнообразны, но очень сильно сконцентрированы. Упомянутый выше отчет МОТ 2021 г. показывает, что 70% дохода цифровых платформ приходится на США и Китай. Эта диспропорциональность не только подрывает местные мелкие и средние предприятия, но и создает новые источники власти. В Гаутенге (ЮАР), работники службы доставки *Uber Eats* организовываются в гибридные коллективы, которые сначала представляли собой отдельные ассоциации взаимопомощи на национальном уровне, а затем выросли в региональную сеть. Общаясь через *Whatsapp*, эти работники выработали репертуар прямого цифрового действия, который включает коллективный отказ от работы, когда все одновременно выходят из сети. В Колумбии, сотрудники сервиса доставки *Rappi*, при поддержке НКО и Центрального профсоюза работников, разработали приложение *UNIDAPP* и успешно организовали международную акцию протеста против транснациональной платформы³. В Уганде Объединенный общий профсоюз работников и профсоюз работников транспорта [*Amalgamated Transport and General Workers' Union*] поддержал разработку приложения для водителей *boda-boda*, что серьезно увеличило количество членов организации и улучшило условия работы курьеров.

Если раньше интервенции в неформальную экономику чаще всего фокусировались на предприятиях, то

Конвенция МОТ №204 подчеркивает необходимость распространить трудовую и социальную защиту на неформальных работников. В Великобритании Верховный суд постановил, что *Uber* должен предоставить своим работникам оплачиваемые отпуска, минимальную оплату труда и пенсии. В Южной Африке, Комиссия по конкуренции начала расследование влияния платформ на малый и средний бизнес.

> Что нас ждет в будущем?

Можно выделить два основных направления будущих изменений в этой сфере. Первый вариант заключается в усилении господства иностранных технологических гигантов без какого-либо национального или глобального согласия по поводу их деятельности. Этот тренд создаст какое-то количество неформальных рабочих мест, но условия работы останутся тяжелыми, заработки низкими, а социальная защита будет отсутствовать. В ситуации, когда все доходы и налоги остаются за границей, такой сценарий можно назвать реколониацией Глобального Юга.

Альтернативным путем может быть «цифровой социальный контракт», созданный при активном участии работников платформ и их организаций. Такой контракт подразумевает принятие согласованных глобальных и национальных мер (включая правовое регулирование), защищающих таких работников. Этот оптимистичный сценарий открывает возможность распространения трудовой и социальной защиты на неформальных работников. ■

Адрес для связи: <Ruth.Castel-Branco@wits.ac.za>

1. Chen, M. (2012) "The Informal Economy: Definitions, Theories and Policies." [Неформальная экономика: определения, теории и политики]. WIEGO Working Paper, Number 7.
2. Webster, E and F. Masikane (2020) "'I just want to survive': The case of food delivery couriers in Johannesburg." [«Я просто хочу выжить. Рассказ курьера службы доставки из Йоханнесбурга»]. Southern Centre for Inequality Studies. [Южный центр исследования социального неравенства]
3. Velez, V. (2020). "Not a fairy tale: unicorns and social protection of gig workers in Colombia." [Совсем не сказка: единороги и социальная защита гиг-работников]. SCIS Working Paper, Number 7.

> Декодировать алгоритмический контроль

Эдвард Вебстер, Университет Витвотерсрэнда, бывший президент ИК МСА по рабочему движению (ИК44), Шафи Верачия и Сандисуа Мапуката, Университет Витвотерсрэнда, Южная Африка

| Иллюстрация Арбу.

Лига справедливости – это группа супергероев, в которую, кроме прочих, входят Бэтмен и Чудо-женщина, и которая пытается спасти выдуманный мир от суперзлодея Дарксайда. [Алгоритмическая лига справедливости](#) (АЛС), основанная в 2016 г., также стремится к более справедливому и равноправному миру, особенно в вопросах использования искусственного интеллекта (ИИ). АЛС выдвигает четыре основных принципа борьбы с алгоритмическим контролем: безоговорочное согласие, прозрачность, постоянный надзор и подотчетность, и действенная критика.

Несмотря на название, «искусственный интеллект» совсем не является искусственным. Как пишет Кейт Кроуфорд в *The Atlas of AI* [Атлас ИИ], «ИИ является телесным и материальным». Именно материальность ИИ обусловила возможность осуществления той формы надзора за работниками, которую мы называем алгоритмическим контролем. В этой статье мы даем определение алгоритмического контроля и исследуем, как он влияет на работников и как они начинают сопротивляться ему. В заключении мы формулируем некоторые предложения по организации протеста против алгоритмического контроля.

> Что такое алгоритм?

Во всем мире, многие заинтересованные стороны (включая государства, ученых и активистов) изучают то, как системы алгоритмического контроля изменяют мир. Алгоритм существует в нематериальной форме несмотря на то, что его существование и использование имеют материальные последствия. Алгоритм – это процесс или свод правил, которым должны следовать вычисления и другие операции, особенно те, которые производятся компьютером. Развитие таких технологий, как облачные вычисления, которые передают вычислительные мощности через Интернет (например, *Amazon Web Services*), позволяет организациям и предприятиям автоматизировать некоторые процессы своей деятельности. Многие до сих пор считают алгоритмы нейтральными технологиями. Однако все больше исследований показывает, что на практике как алгоритмы могут быть предвзятыми и дискриминирующими, так как они кодируются программистами на основе определенных норм и инструкций (напр. *Race After Technology* [Раса после технологии] Руа Бенджамин). Если алгоритмы «кормить» предрассудками,

>>

то они автоматизируют существующие паттерны дискриминации. Это особенно актуально для текущих экосистем технологических гигантов, подавляющее большинство которых управляется белыми мужчинами. В своей книге *Algorithms of Oppression* [Алгоритмы угнетения] Сафия Ноубл рассуждает о том, как алгоритмы Google дискриминируют чернокожих женщин и девочек.

> Алгоритмический контроль – реальность

В настоящее время контроль алгоритма над работой стал более интенсивным, чем когда-либо в истории индустриализации. Алгоритм помещает контроль и максимизацию прибыли в центр процесса работы. Мы наблюдаем пример того, что Маркс называл «властью валоризации». Алгоритмы разрабатываются так, чтобы измерять скорость выполнения работниками своих задач. Если работники платформы не выполняют задачу согласно установленному алгоритмом стандарту, начальство может немедленно изменить оплату их труда и/или деактивировать их аккаунт на платформе. В декабре 2020 г. водители Uber в Йоханнесбурге (ЮАР), организовали протест: они отключили у себя приложение Uber и не принимали пользовательские заказы. Водители жаловались, в том числе, на непрозрачные правила блокировки аккаунтов, и неадекватность правила, согласно которому размер оплаты односторонне определялся компанией.

В книге *The Uberisation of Work* [Уберизация работы] Эдвард Вебстер показывает, как благодаря технологическому аутсорсингу и субподрядам, алгоритмы позволяют компаниям, подобным Uber, концентрироваться на высоко прибыльной деятельности, одновременно избавляясь от традиционных обязанностей работодателя. Эти компании демонстрируют тенденции монополизации и обходят как корпоративные стандарты менеджмента, так и стандартные практики найма.

Отличительные черты алгоритмического контроля – это невидимость и недоступность. Обычно у работников платформ нет доступа к исходному коду алгоритма. Как объясняется в докладе Международной организации труда (МОТ) *Перспективы занятости и социальной защиты в мире. Тенденции 2021*, единственный способ обнаружить, что алгоритм является контрпродуктивным или дискриминационным – это получение доступа к исходному коду этого алгоритма. Коммерческая тайна и интеллек-

туальная собственность, защищаемые Всемирной торговой организацией, закрывают доступ к этому исходному коду. МОТ также утверждает, что асимметрия информации увеличивает дисбаланс власти между владельцами алгоритма и его подчиненными.

> Алгоритмический контроль – сопротивление

Хотя алгоритмический контроль кажется непреодолимым, сами работники используют алгоритмы для борьбы за контроль над условиями труда. После переговоров Испания приняла Закон *Rider*, который признает работников сервисов доставки как сотрудников цифровых платформ. Кроме того, для цифровых платформ стало обязательным открывать доступ к информации о том, как их алгоритмы влияют на условия работы. Обсуждая алгоритмический контроль и сопротивление ему, нельзя забывать и о пользователях. Из-за использования алгоритмами персональных данных, потребители также стали производителями стоимости. Можно сказать, что, используя разные платформы, потребитель *Big Tech* совершает бесплатную работу. Это делает потребителя ближе к работникам, чем к владельцам фирм *Big Tech*.

Анализируя эксперименты по сопротивлению различным проявлениям алгоритмического контроля, исследователям стоит обращать внимание на географию. У систем алгоритмического контроля есть свои особенности, в зависимости от местного контекста. Наряду со вниманием к механизмам государственного управления, важно учитывать и эти различия. Из-за устойчивого неравенства, существующего между Глобальным Севером и Глобальным Югом, у обоих контекстов есть свои важные особенности, которые углубляют дискуссию о сопротивлении разным формам алгоритмического контроля. Эти обстоятельства крайне значимы для осмысления будущей работы, при которой работник более значим, чем корпорация. Кэти О'Нил хорошо передает эту мысль в своей работе *Weapons of Math Destruction* [Оружие математического поражения]:

«Большие данные кодифицируют прошлое. Они не изобретают будущее. Для формирования будущего необходимо моральное воображение, а оно есть только у людей. Нам необходимо открыто вписать лучшие ценности в наши алгоритмы, создавая модели, которые бы следовали нашему этическому курсу. Иногда это будет означать, что необходимо поставить справедливость выше прибыли». ■

Адреса для связи:

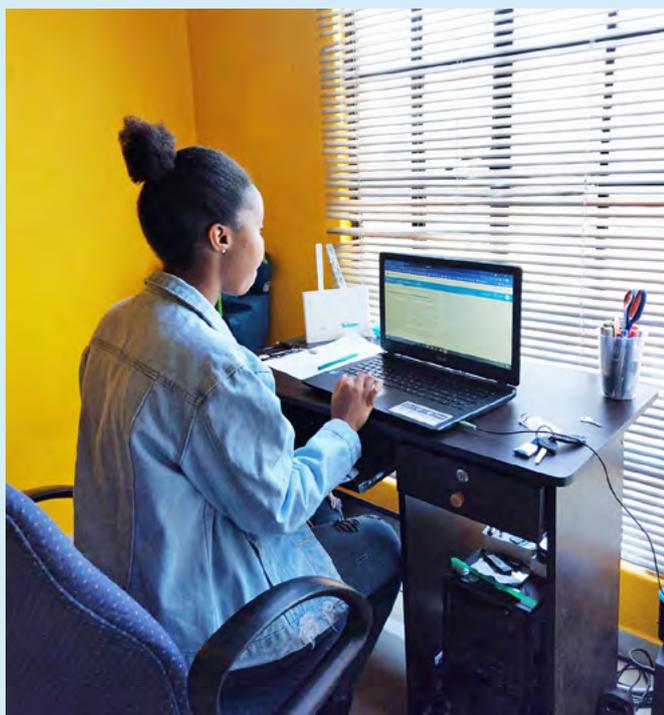
<sandiswa.mapukata@wits.ac.za>

<mohammed.verachia@wits.ac.za>

<Edward.Webster@wits.ac.za>

> Онлайн трудовые платформы: власть без отчетности?

Алесслио Бертолини и Марк Грэм, Оксфордский университет, Великобритания, Ханна Джонстон, Северовосточный университет, США, Фонда Устек-Спилда, Оксфордский университет, Великобритания, Патрик Фойерштайн, Центр исследований в области социальных наук Берлина, Германия, Келле Хоусон, Оксфордский университет, Великобритания

Свободные или «облачные» работники связываются с клиентами через интерфейс платформы, которая получает проценты с каждой транзакции и часто осуществляет строгий контроль над рабочим процессом. Фото: проект Fairwork.

Пандемия COVID-19 привела к массовой нормализации удаленной работы в сфере производства знаний. Этот процесс сопровождается развитием цифровых инструментов, способствующих этому переходу, включая коммуникации, видеоконференции, алгоритмическое управление, распределение задач и надзор за работниками. Пандемия не только сделала видимыми и усилила многие существующие неравенства на рынках труда. Она также обнаружила четкое разделение между теми профессиями, которые легко переходят на удаленную работу, и низкооплачиваемым сервисным трудом, который удаленно делать нельзя, и где работники столкнулись с [двойными рисками](#) заражения вирусом и потери дохода при необходимости остаться на карантине.

Хотя неравенство между теми, кто может работать удаленно и теми, для кого этой возможности не существует, стали глубже с начала пандемии, гораздо меньше обсуждается тот факт, что не все удаленные работники находятся в сравнительной безопасности. На самом деле,

гиг-экономика процветает с начала COVID-19. До тех пор, пока эти формы труда остаются комфортными для многих, они остаются менее видимыми.

>Контроль над трудовыми отношениям при онлайн-работе

Онлайн экономика свободного заработка (гиг-экономика) во многом сходна с такими «географически привязанными» видами занятости, как службы такси, сервисы доставки еды и уборки (среди известных примеров *Uber, DiDi, Deliveroo*). Онлайн работники или «облачные работники» находят клиентов через интерфейс платформы, которые получают проценты от транзакций, и часто осуществляют контроль за процессом. Платформы контролируют выполнение работ, в том числе, с помощью алгоритмического управления заданиями, оплаты и дисциплинарных мер. Так же, как их коллеги на «географически привязанной» работе, онлайн работники считаются независимыми контрактниками или самозанятыми, поэтому на них не распространяются социальные пакеты, ключевые в большинстве юрисдикций, такие как минимальная оплата труда, больничные выплаты, декрет и пенсии.

Однако в отличие от службы такси, сервисов доставки и уборки, облачные платформы выступают посредниками в работе, которая теоретически, при наличии интернета, может выполняться из любой точки мира. Они создают сложную сеть кросс-граничных связей, и в теории могут создать всемирный рынок труда. Эта динамика создает новые возможности для работников, но при этом усиливает их уязвимость и подвергает специфическим рискам.

Во-первых, платформы постоянно посредничают между работниками и заказчиками, в контексте огромного множества юрисдикций, что делает их трудноуловимыми для правового регулирования. Они владеют очень небольшим числом основных активов и сохраняют контрактную дистанцию со своими работниками. Эта гибкость и эфемерность означает, что таких платформы могут уходить от местного законодательства, созданного для защиты работников и широкой публики, так же, как и от налогов и режимов регулирования конкуренции.

[Та же самая динамика](#) служит для подавления структурной власти рабочих. Рабочим особенно сложно организовываться, строить сети солидарности и предпринимать коллективные действия для улучшения условий труда,

>>

когда они атомизированы, географически разделены и поставлены в конкуренцию друг с другом самим дизайном платформы. К глобальным онлайн платформам сложно применить национальные нормативные рамки, облегчающие коллективные переговоры. Отсутствие формальных структур отчетности перед работниками и перед общественностью в сфере облачной занятости дает платформам огромную власть в определении правил, формировании условий труда, и, в конечном итоге позволяет им вести себя настолько безответственно или ответственно, насколько им хочется.

Большинство облачных платформ предлагают более низкий порог вхождения, чем обычное трудоустройство. Это может создавать возможности для тех, кто был исключен из равноправного участия в рынках труда – работникам на Глобальном Юге, людям (обычно женщинам) с высоким уровнем домашних обязанностей, мигрантам, сообществам этнических меньшинств и работникам с ограниченными возможностями. Однако большинство международных облачных платформ рекрутируют слишком много работников. Это помогает заказчикам быстрее и легче находить исполнителей, но также означает, что у работников снижается объем работы и оплата труда, что ставит их в положение усиленной конкуренции.

На облачных платформах, где задачи являются особенно краткосрочными, т.н. платформах «микрозадач» (как *Microworkers*, *Amazon Mechanical Turk*, и *Appen*), работники могут участвовать в более крупных проектах, например, тренировать систему машинного обучения с помощью баз данных. Такие проекты разделяются на очень маленькие задания, которые требуют всего несколько секунд для выполнения. Так, сотни работников из десятков стран работают над проектом для одного заказчика в течение очень короткого временного интервала. Такой экстремально мелкий аутсорсинг делает условия труда абсолютно неразличимыми в конечном продукте, создавая [невидимость облачной работы](#), которая, в свою очередь, разрушает власть рабочих, особенно потому, что индивидуальных работников очень легко уволить и заменить.

Так как облачным работникам может быть очень трудно использовать свою коллективную власть, и они обычно не защищены национальными законами, их повседневные условия труда остаются прекарными и рискованными. Большинство облачных платформ позволяют клиенту отказаться от уже завершенной работы, фактически позволяя не платить за труд. Платформы могут давать работникам возможность оспаривать отказы, но очень

выборочно, и часто посредством бесконечных автоматизированных процессов, которые отнимают больше времени, чем выполнение самой работы. При этом платформы чаще встают на сторону заказчика, поскольку у них больше работников, чем заказчиков.

Работники онлайн платформ часто подвергают риску свое здоровье и безопасность (в том числе сталкиваясь с откровенным и психологически тяжелым контентом), а также свою частную жизнь (из-за неадекватной защиты персональных данных).

Наконец, работники уязвимы к дискриминации со стороны клиентов, включая дискриминацию, основанную на предположениях и предубеждениях об их гендере, расе и географическом положении.

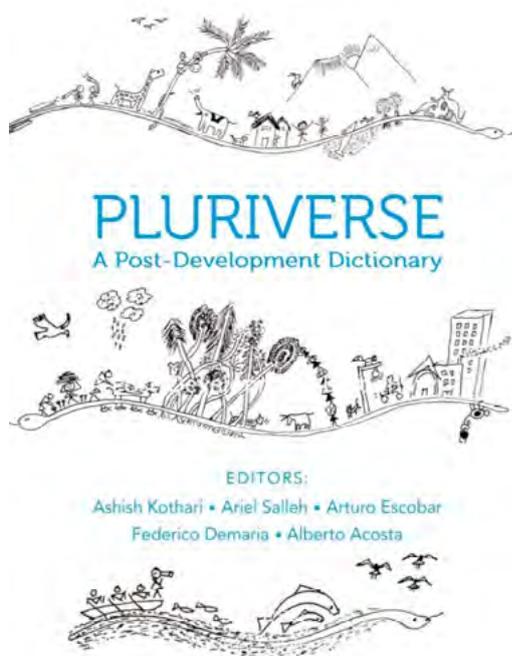
> Инициативы в защиту облачных работников

Рискованные и эксплуатирующие условия труда широко распространены в удаленной гиг-занятости из-за отсутствия национального и международного регулирования, способного ограничить власть платформ, а также благодаря существующим препятствиям для коллективной организации рабочих. Сейчас, когда в результате пандемии COVID-19 социально незащищенные работники устремляются к удаленной работе и онлайн платформам, для их защиты необходима мобилизация низового рабочего движения и социальных программ поддержки. Проект *Fairwork* [Справедливая работа] совместно с рабочими и экспертами разработал совокупность принципов справедливой облачной работы, которые можно использовать как основу и стартовую точку для таких усилий. Принципы справедливой оплаты, справедливых условий занятости, справедливости контракта, справедливого управления и справедливого представительства учитывают описанные выше аспекты риска и вреда. Мы ранжировали семнадцать известных платформ согласно этим принципам, чтобы показать весь спектр трудовых практик, которые существуют в онлайн экономике свободного заработка. Хотя некоторые платформы получили достаточно позитивные оценки, в конечном счете, наше исследование показывает, что в отсутствие подотчетности, платформы часто принимают решения, которые могут (часто негативно) влиять на жизни миллионов работников. Цель первых рейтингов облачной работы, предпринятых проектом *Fairwork*, – показать глубоко неравные отношения власти. Проводя в дальнейшем ежегодные раунды оценки платформ, мы надеемся внести вклад в приближение более справедливого будущего для удаленных рабочих. ■

Адрес для связи: <kelle.howson@oii.ox.ac.uk>

> Удерживание (holding) как работа и эпистемология

Ариэль Саллах, приглашенный профессор, Университет Нельсона Манделы, ЮАР, пожизненный член МСА.

Pluriverse: A Post-Development Dictionary. [Плюриверс: Словарь по постразвитию] Tulika Book (2019)

Евроцентричная фантазия «покорения природы» всегда была проблематичной онтологией. Неслучайно сходство у слов материя и материнство есть изначальное сходство (*matter* и *mater*, лат.). Ранние экофеминистки видели в стремлении цивилизации к покорению природы сублимацию убийства матери, что позволяет мужчинам самим производить себя на свет в культурном смысле, без зависимости от таинственных естественных процессов. Сегодня, эта же самая психологическая диссоциация, экстернализирующая природу, делает возможными власть неолибералов, войну и развитие современной науки. Может ли академия, построенная на этом варианте Эдипова комплекса, решить возникающие проблемы?

> Вспоминая заново

Когда старая культура «обыначивания» устанавливает мир объектов и абстракций, характеризующих какое-либо событие, его отражение сохраняется в сознании, и этот процесс называется «удерживанием» (*holding*). *Удерживание* отсылает к человеческой вовлеченности в метаболизм природы; оно отражает первоначальный момент формирования самости на руках матери. Когда

люди чувствуют себя воплощением природы, они понимают, что вся Жизнь-на-Земле «взаимопереплетена», как любят говорить Новые материалисты. Однако меня не привлекает такая формулировка. Я рассматриваю *удерживание*, скорее, как форму репродуктивного труда, отличающегося от продуктивного. Целенаправленное *удерживание* наполняет энергией биофизические процессы, такие как забота о ребенке или защита леса коренными народами. *Удерживание* учит эпистемологии, которая одновременно является укорененной в конкретном месте и макросистемной.

В сборнике под нашей редакцией *Pluriverse* (2019), Карин Амимото Ингерсол описывает такое мироощущение гавайских рыбаков:

«Неинструментальное навигационное знание об океане, ветре, приливах, течениях, песке, водорослях, рыбе, птицах и небесных телах – это взаимосвязанная система, которая позволяет перемещаться по миру иным способом... В этой океанической грамотности тело и морской ландшафт взаимодействуют в сложном дискурсе... альтернативном большому нарративу западных мысле-слов, которые держат наши «самости» отдельно друг от друга... Такое видение становится политическим процессом, прочтением всех воспоминаний и знаний, накопленных в океаническом времени и пространстве, которое, однако, было стерто косными колониальными конструкциями идентичности, места и власти... [Слишком] многое в мире *продолжает оставаться беспомытным*, как будто пространства, где мы живем, это просто пустые географические объекты, доступные для потребления и проектов развития... [курсив мой – А.С.]»

> Восстановительная ценность

Как утверждается в *Протестантской этике*, христианский патриархат и капитализм исторически связаны между собой. В условиях подъема глобальных корпораций и многосторонних организаций, ценность обыначенных (*othered*) знаний заботящихся (*caregivers*), мелких землевладельцев и коренных народов принижается и описывается как «культурная», а не «экономическая». Дискурс белых мужчин среднего класса оставляет невидимым тонкую устойчивость их труда, потому что и правые, и левые обращают внимание только на «производительный» труд. То есть для них «настоящая работа», имеющая «ценность», заключается в трансформации человеком материи. Даже прогрессивные политэкономы, эко-социалисты, сторонники Нового зеленого курса выступают за трансфер заботы в сферу формальной экономики. В от-

>>

личие от марковского дуализма пользы и обмена, репродуктивная или «метаболическая» ценность не нуждается в измерении; она осмысливается как процветание экосистем и человеческих тел, которые являются их частью.

Существует множество способов удовлетворить потребности общества без эксплуатации, экстрактивизма, вымирания биологических видов, таяния ледников и изменения климата. С момента *Seattle People's Caucus* [Народного Саммита в Сиэтле] 1999 г., против капиталистической патриархатной империи выступали такие движения, как Всемирный социальный форум, *Via Campesina* [Крестьянский путь], *Indigenous Environment Network* [Сеть коренных народов в защиту окружающей среды], Всемирный женский марш и *Extinction Rebellion* [Движение против вымирания]. Такие инициативы вдохновляются работами таких деколонизальных мыслителей, как Иван Иллич и Вольфганг Сакс, тактами экофеминисток, среди которых Мария Миэс и Вандана Шива, которые подвергают радикальной критике «развитие, приводящее к разрушению» (*mal-development*). Проект *Pluriverse 2019* г. опираясь на принцип «Глобальное - это локальное» предполагает культурный обмен между представителями Андского стиля жизни *buen vivir*, индийскими сообществами *swaraj*, европейскими противниками экономического роста (*de-growthers*). Перефразируя Манфреда Макс-Нифа: малые самоуправляемые экономики «синергичны» и удовлетворяют множество нужд одновременно – потребности экологической регенерации, повседневного выживания, обучения, инновации, идентичности и принадлежности.

> Структурные параллели

Примерами труда по сохранению (*holding*), который осуществляется женщинами и крестьянами, являются усилия местных сообществ остановить использование пестицидов или добычу ископаемых. Работники, вовлеченные в такой труд, обнаруживают структурные параллели между коммодификацией природы и коммодификацией тел женщин и людей, принадлежащих к коренным народностям. В глобальном масштабе политическая альтернатива для женщин Глобального Севера является той же, что и для расиализированных народов на Глобальном Юге. Выбор стоит между эмансипацией с помощью гражданских правовых механизмов и самореализацией благодаря взаимопомощи между членами сообщества.

В XXI веке многие люди предпринимают крупные цивилизационные шаги для того, чтобы вновь воссоединить природу и человечество. Холистическая наука Новой водной парадигмы (*New Water Paradigm*) или Народного трибунала по защите прав Матери Природы (*Peoples'*

Tribunal on the Rights of Mother Nature) может считаться воспоминанием хорошо забытого прошлого. Продовольственный суверенитет является главной целью плюриверсального (*pluriversal*) активизма на Севере и на Юге – который не стоит путать с понятием «продовольственной безопасности» ООН. Последняя не решает проблемы, а только приносит еще больше спекуляций, вынужденных переселений, нефте-удобяемых монокультур, и загрязняющей трансконтинентальной свободной торговли. Мейнстримные феминистки и некоторые левые и зеленые активисты уверенно говорят о перенастройке доминирующей капиталистической парадигмы. Но слишком часто государства перехватывают инициативы улучшения жизни и подменяют их репрессивными формами толерантности. Это уже происходит в вопросах циркулярной безотходной экономики, Зеленого курса и управления глобальной системой.

> Биоцивилизация?

Тезис о справедливом и устойчивом распределении мировых социальных благ звучит хорошо, но термодинамически не имеет смысла. Как объясняет Джейсон Хикел, чтобы достичь Целей устойчивого развития ООН, глобальная экономика должна вырасти в 175 раз, тогда как она уже перерасходует ресурсы планеты на 50% ежегодно. Обобществляя локальные производства, удерживающие экономики проявляют уважение к материальным границам природы. Эта парадигма стремится к замене одинокого индивидуализма высоких технологий «биоцивилизацией». Сравните отрешенное *cogito*, «я мыслю, значит, я существую», с южноафриканской этикой *ubuntu*, основанной на логике удерживания: «я есть, потому что ты есть». Схожие способы существования-в-мире (*worlding*) присущи стилю жизни *buen vivir*, практикуются в эко-деревнях, присущи экономике дара, *kyosei*, *sentipensar*, которые вступают в диалог, представляя глобальное лоскутное одеяло возможностей.

Могут ли эко-социалисты «перевоплотить» свой материализм и учесть историческую агентность «обыкновенного» трудового класса – «мета-индустриального» – находящегося на домашней и географической периферии капитала? Здесь, как маргиналы теории, обитают бессловесные рабочие, удовлетворяющие потребности всех классов. Можно даже сказать, что капитализм существует благодаря им, поддерживающим метаболизм человечества-природы. Этот глобальный класс не нуждается в косных абстракциях отмирающей евроцентричной эпохи, которые утверждают господство субъекта над объектом, человечества над природой, мужчины над женщиной, белых над черными, экономики над экологией¹. ■

Адрес для связи: <arielsalleh7@gmail.com>

1. Текст представляет собой адаптированную версию лекции, прочитанной на конференции "Femmes, écologie et engagements politiques du Sud au Nord" [Женщины, экология и политическое участие на Юге и на Севере], Сорбонна, Париж, Июнь 2021 г.

> Аниме Миядзаки: анимизм для антропоцена

Шоко Йонеяма, Университет Аделаиды, Австралия

Мой сосед Тоторо (1988).
Фото: Студия Ghibli.

Существует общее согласие о том, что разговор об изменении климата, пандемии COVID-19 и других экзистенциальных кризисах, связанных с антропоценом, требует пересмотра отношений между человеком и природой. Но прогресс в этом отношении до сих пор невелик. Возможно, нам стоит придумать совсем иной тип отношений. Амитав Гош предполагает, что мы переживаем кризис воображения из-за отсутствия культурной системы координат, которая позволила бы представлять альтернативные онтологии. Может ли анимизм предложить такую альтернативу?

Многие до сих пор считают, что анимизм – это «простая вера примитивных людей», охотников-собирателей, очень далеких от современности. Так ли это? Для западной догмы, анимизм – это просто ошибочная эпистемология. «Новый анимизм», более новая школа мысли, смотрит более позитивно и видит в анимизме полезную критику современности. Новый анимизм еще не реализовал себя в полной мере. По большей части, он остается любопытным экспонатом на западных факультетах антропологии.

> Глобальная популярность аниме Миядзаки

Миядзаки Хаяо, анимационный режиссер студии Ghibli, может помочь нам осознать сложные реалии антропоцена. Анимизм в его аниме может вдохновить сердца и умы миллионов зрителей на позитивный пересмотр отношений человека и природы. Аниме Миядзаки наполняет наше воображение доступными анимистическими образами и историями.

«Вы шутите!» – возмутился один коллега на конференции несколько лет назад, когда я презентовал статью, со-

державшую эту идею. «Аниме Миядзаки это мультики для детей. Мой сын смотрел *Тоторо*, когда ему было пять лет!» Это правда: работы Миядзаки, по большей части, для детей, но благодаря его фильмам, «японские дети чувствуют Тоторо, дух деревьев, когда видят деревья», замечает Такахата Исао, бывший со-директор Ghibli. Вероятно, так происходит с детьми по всему миру. Глобальное влияние Миядзаки выросло в разы, когда Дисней начал распространять фильмы Ghibli в 1996 г., «Унесенные призраками» получил премию Академии за лучший анимационный фильм в 2003 г., и фильмы стали транслироваться на Netflix и HBO Max.

> Критический анимизм

Так что же общего у глобальной популярности аниме Миядзаки с антропоценом?

Репрезентации анимизма в аниме Миядзаки, особенно в его знаковых фильмах *Nausicaä of the Valley of the Wind* [Навсикая из Долины ветров] (1984), *Мой сосед Тоторо* (1988), *Принцесса Мононоке* (1997), *Унесенные призраками* (2001) и *Рыбка Поньо на утесе* (2008), позволяют нам по-новому представить отношения человека и природы.

Представить по-новому? Ситуация несколько отличается в Японии, где анимистическая онтология и эпистемология всегда существовали параллельно с модерностью. Там анимизм существует как то, что ЮНЭСКО называет нематериальным культурным наследием. Кроме того, я считаю, что новый вид анимизма появился в ответ на негативные черты современности, и «эволюционировал» (как Покемон) в рефлексивную критику современности. Это я и называю «критическим анимизмом» или «постмо-
>>

Кодама, дух леса, в Принцессе Мононоке (1997). Фото: Студия Ghibli.

дерным анимизмом».

Критический анимизм эволюционировал из дискурса больных синдромом Минамата, жертв одного из худших случаев индустриального загрязнения в истории человечества, делящейся с 1950-х гг. Любители кино, возможно, помнят фильм Джонни Деппа 2020 года *Минамата*, рассказывающий о жизни фотографа Юджина Смита, автора знаменитого фотоснимка *Томоко Уэмура в своей ванной*.

Социолог Цуруми Казуко первым осмыслил grassroots-дискурс об анимизме как критику современности. В своей книге *Animism in Contemporary Japan: Voices for the Anthropocene from Post-Fukushima Japan*¹ [Анимизм в современной Японии: голоса в защиту антропоцена из Японии после Фукусимы] я анализирую «анимистический проект» Цуруми. Миядзаки Хаяо – один из четырех выдающихся японских интеллектуалов, чьи биографические нарративы я рассматриваю в книге, исследуя, как эти креативные мыслители пришли к идее, что анимизм может спасти мир.

Миядзаки Хаяо считает, что анимизм необходим для спасения мира. Распространение анимизма – это его жизненный проект. Философское основание его работы можно найти в манга-версии *Навсикаи из Долины ветров*, более чем тысячестраничного эпоса об отношениях человека и природы, который он писал в течение двенадцати лет (с 1982 по 1994).

В (критическом) анимизме Миядзаки содержатся три компонента. Первый – это прекрасные иллюстрации природы, наделенной агентностью. Природа представлена как недуалистическая комбинация жизненного и духовного миров, символ которого – Кодама, дух леса в *Принцессе Мононоке*. Второй компонент – это значимость конкретного места и всего локального, что отличает его анимизм от идеологического псевдо-патриотического дискурса государственного японского анимизма. Его

позиционирование анимизма открывает возможность для широкой интерпретации, связанной с анимизмом в других частях света, и формированием того, что Ариф Дирлик называет «транслокальными альянсами». Третий компонент представляет имеющее важные теоретические последствия отрицание дуализмов человек/природа, жизнь/смерть, духовное/материальное, видимое/невидимое и светлое/темное.

Анимизм Миядзаки Хаяо теоретически радикален, так как бросает вызов принимаемым как должное посылам парадигмы социальных наук и современности, которые основаны на иерархических дуализмах: 1) людей над природой (антропоцентризм); 2) рационального над духовным (секуляризм); 3) европейской традиции над остальными (евроцентризм). Другими словами, его анимизм разрывает существующую парадигму. Он представляет собой потенциал, толкающий наше воображение к представлению другой парадигмы, свободной от иерархических дуализмов. Детали этого проекта я описал в статье [Miyazaki Hayao's Animism and the Anthropocene](#) [Анимизм Миядзаки Хаяо и антропоцен] в *Theory, Culture & Society*.

Принимая во внимание эти теоретические следствия, мы можем утверждать, что глобальная популярность аниме Миядзаки является важным социологическим феноменом. Подобно тому, как Тоторо вместе с детьми сажает семена деревьев, Миядзаки проецирует сильные образы анимизма в сердца и умы миллионов зрителей. Массовая популярность мультфильмов Миядзаки может указывать на интуитивное понимание или жажду анимизма. Возможно, что вновь-зачарованный мир его фильмов готовит зрителей (в том числе и социальных ученых) к тому, чтобы быть более чувствительными к анимистической эпистемологии и онтологии, исправляя кризис воображения, у которого пишет Гош. В этом смысле, Миядзаки Хаяо дает нам «идеальную историю», чтобы ответить на «идеальный шторм» антропоцена. ■

Адрес для связи: <shoko.yoneyama@adelaide.edu.au>

1. Yoneyama, S. (2019) *Animism in Contemporary Japan: Voices for the Anthropocene from Post-Fukushima Japan*. Oxon and New York: Routledge.

> Антропоцен и порожденное им недовольство

Гайя Джулиани, Центр социальных исследований, Университет Коимбры, Португалия

Кабо-Верде.
Фото: Гайя Джулиани.

В настоящее время в центре дебатов в политике, искусстве, культуре и академии находится понятие антропоцена, а также связанные с ними процессы и феномены. Основное понимание этого термина обозначает противоречивый процесс, начало которого ученые относят ко второй или третьей промышленной революции, когда, как они считают, интервенция человека стала оказывать колоссальное влияние на геологическую и биологическую композицию планеты.

> Критические взгляды на теорию антропоцена

Согласно критическому подходу антропоцен и публичная дискуссия вокруг этой темы позволяют реконцептуализовать колониальную и капиталистическую модерность (антропоцен считается феноменом модерности), а также отношения между человеком, нечеловеческим миром живых существ и сферой неодушевленных существей. Подобная реконцептуализация происходит благодаря радикальному переосмыслению отношений власти, управляющих органическими и неорганическими процессами на планетарном уровне.

Эти идеи возникли на пересечении антикапиталистической и деколонизальной критики, на основании глобальной антирасистской феминистской и квірной критической теории и эпистемологии в таких различных дисциплинарных областях, как биология, география, геология, физика, а также в кино, социологии, антропологии, политике, философии, поэзии и перформативном искус-

стве. Критический подход к антропоцену опирается на две важнейшие концептуальные позиции, развиваемые в ходе трансдисциплинарного диалога гуманитарных наук об окружающей среде. Первая идея заключается в том, что окружающая среда является также и социальным феноменом; вторая – что для того, чтобы обратить вспять насильственное воздействие антропоцена на все живые существа, необходимо признать и сделать политическим вопросом взаимозависимость людей и других живущих и неживых компонентов планеты Земля.

> Человек антропоцена и его монстры

Данная статья опирается на описанные выше критические позиции и фокусируется на основных характеристиках антропоцена, относящихся к семиотической продуктивности воображения, риторики и практик, а также правовой политической и массовой культуре, присущей коллективному трансцендентальному субъекту (Фуко) которого можно обозначить термином человек антропоцена (*the Anthropos of/in the Anthropocene*).

Как подчеркивает Элизабет Повинелли, для этого вида человека характерно сочетание картезианского субъекта, описанного постколониальной и деколонизальной критикой, и либерального человека теории социального договора, который, как показали феминистские ученые, непосредственно связан с насильственной евроцентричной западной модерностью, которая перестроила весь мир. Этот антропос имеет свой взгляд на мир, историю,

>>

географию и человечество. Он семиотически создает дихотомические иерархизированные сущностные разделения, противопоставляя разум и тело, человеческое и нечеловеческое, мужчину и женщину, белых и небелых, добро и зло, рациональное и нерациональное, светское и фанатическое, правильное и неправильное, высшее и низшее, спасительное и убивающее. Эти представления коренятся в средневековых предпосылках евроцентричной модерности, навязывают онтологии и логики, которые делают устойчивым и постоянно воспроизводят капитализм и обусловленное им насилие.

Я выявляю решающую роль исторически производимого дискурсивного процесса монстрификации, который создает человека *антропоцена* и то гегемоническое «мы», которое находится в центре структур власти и извлечения стоимости в период капитализма и колониального модерна. Я основываю свои рассуждения на исследованиях онтологии и логики антропоцена, с одной стороны, и теориях расово определенного капитализма, патриархата и колониальной власти, с другой. Такой дискурсивный анализ обнажает отношения между логикой и онтологией антропоцена и тем, как эти инструменты легитимизируются в разные периоды времени в разных обществах, обнаруживая связь между процессами монстрификации и насилием в отношении тех, кто сопротивляется. Монстрификация распространяется на борцов против колониального правления, беглых рабов, *quilombolas*, ведьм, неверных, восставших крестьян, бастующих промышленных рабочих и восстающих индигенных народностей. Мое исследование связывает дискурсивную конструкцию моральной паники против этих категорий людей с колониальным насилием, государственным авторитаризмом и пагубным экстрактивизмом.

В своей последней книге *Monsters, Catastrophes and the Anthropocene: A Postcolonial Critique* [Чудовища, катастрофы и антропоцен: постколониальная критика] я анализирую европейские и западные образы природных катастроф, массовых миграций и терроризма. Я применяю оптику постколониализма к анализу современных представлений о чудовищности (монструозности) и катастрофе. Этаблированные иконы массовой визуальной культуры в научной фантастике, фильмах - ужасах и ТВ сериалах, как и образы новостных медиа, помогают проследить генеалогию современных страхов в онтологиях и логике антропоцена. В книге не только раскрывается присущая антропоцену структура насилия, но также разрабатывается феминистская экологическая эпистемология, выходящая за пределы концепции развития, а также формулируется политический проект, который предполагает переосмысление понятия *политического*.

> Феминистский политический проект сегодняшнего дня

Как ответ на онтологию и логику антропоцена я развиваю *политический проект взаимозависимой заботы, заботы о себе, заботы о планете*. Из современного западного феминизма я заимствую представления о ключевой значимости *заботы*, т.е. о том, что индивидуальное и общественное благополучие (психосоциальное, куль-

турное, сексуальное и экономическое) является общим делом, ресурсом и социальным долгом (Нэнси Фрейзер, Стефания Барка). Само понимание заботы, однако, я рассматриваю через призму квинтеории и через оптику коренных народностей, чернокожих и женщин рабочего класса. Так же, как Сара Ахмед и Одри Лорд, я рассматриваю заботу о себе как феминистский проект личной и коллективной автономии, которая предполагает взаимную заботу между человеческими и нечеловеческими существами. Альтернативное понимание заботы структурировано патриархатными, расистскими и капиталистическими представлениями о гендерных ролях.

В контексте перемещения потоков людей, борьбы меньшинств против колониализма и патриархата, устойчивости и сопротивления коренных народов природным катастрофам и неоколониальной секьюритизации, забота о себе подразумевает индивидуальную и коллективную автономию, самосохранение и солидарность в сопротивлении государственному надзору, дисциплине и абьюзу. *Политический проект взаимозависимой заботы, заботы о себе и о планете* предполагает сочетание антиавторитаризма с антиколониальной борьбой против экстрактивизма, эксплуатации и уязвимости. Этот проект основан на понимании того, что капитализм и патриархат, их военизированные стены и границы, лагеря и тюремные архипелаги, системы надзора, запреты на передвижение и насильственное перемещение являются по своему существу структурами расизма. Но этого недостаточно. Этот проект опирается на постулат о том, что колониальный характер расово определенного капитализма коренится в отношениях с планетой, которые руководствуются лишь ориентацией на прибыль (Седрик Робинсон, Рут Гилмор, Лаура Пулидо).

Таким образом, антиколониальные основания такого политического проекта являются анти-экстрактивистскими. Мы убеждены в том, что все составные части планетарного мира – человеческие, животные и неодушевленные – находятся в отношениях взаимозависимости.

Такое понимание мира выдвигает на передний план проблематику заботы о Земле, суть которой заключается в антикапиталистическом соотношении всех элементов планетарной системы. Опираясь на народные сказания и эпистемологии политических движений (таких как, например курдская *jineoloji*), а также на работы таких западных интеллектуалов, как Донна Харауэй, Стейси Элаймо и Карен Барад, этот проект распространяет идею заботы на жизнь нечеловеческих существ. Лишь триада заботы, самозаботы и заботы о планете может превратить *ответственность человека за человеческую и нечеловеческую жизнь и неодушевленный мир в политическую ценность*.

Многие сообщества Глобального Юга и коренных народов, маргинализованные жители Глобального Севера и политические движения в разных уголках планеты следуют этим принципам в своей жизни. Смертельной монструозности логики и онтологии антропоцена может противостоять лишь радикальный политический проект планетарного масштаба, который признает, что сопротивление антропоцену должно быть контекстуальным и множественным. ■

Адрес для связи: <gaiagiuliani@ces.uc.pt>

> Империалистический способ жизни и капиталистическая гегемония

Ульрих Бранд, Университет Вены, Австрия и Маркус Виссен, Берлинская Школа Экономики и Права, Германия

Один из многих примеров того, как высокое потребление авокадо на Глобальном Севере ведет к значительному недостатку воды на Глобальном Юге. На фото молодая посадка высокой плотности в Южной Африке. Фото: Edrean 2013/ Creative Commons

Критическое социально-теоретическое и общественное мышление опирается на богатую традицию концептуализации и конкретного анализа стабильности, изменений и кризисов капиталистических обществ. Если мейнстримные социальные науки обычно обсуждают проблемы, требующие решения, не рассматривая коренных оснований этих проблем, то исследования, основанные на критической теории, понимают социальные отношения как внутренне противоречивые и проблематичные. Понятие «империалистический способ жизни»¹ обозначает ряд исторических сформировавшихся и существующих сегодня противоречий с акцентом на основной вызов нашего времени: углубляющийся экологический кризис, связанный с глобальным капитализмом.

Глубоко укорененные модели производства и потребления, которые господствуют, прежде всего, в рано индустриализовавшихся капиталистических обществах, предполагают неравный доступ к природе и рабочей силе на глобальном уровне. Это неравенство приводит к разрушению экосистем, перенапряжению экологических бассейнов, высокому уровню безработицы во многих странах и неравному разделению труда, порождающему новые нагрузки precarious работников, женщин и (недокументированных) мигрантов.

Одной из характеристик развитого капитализма является его потребность в существовании менее развитых обществ или некапиталистического географического и социального внешнего мира ("outside"), в котором развитые капиталистические страны черпают сырье и промежуточные продукты, куда перераспределяются социальные

и экологические нагрузки, и где происходит присвоение оплачиваемого труда и неоплачиваемых услуг социальной заботы. Современный развитый капитализм - это система исключения, которая предполагает существование империалистического мирового порядка. Тем не менее, этот порядок нормализован бесчисленными и структурируемыми актами производства и потребления, что делает этот принудительный характер невидимым для тех, кто получает от него выгоду.

> Гегемония

Проблематичный с социальной и экологической точки зрения и привлекательный, благодаря опоре на добывающей промышленности, этот империалистический способ производства и образ жизни получил широкое распространение и признание, т.е. является гегемонным в категориях Антонио Грамши. Этот порядок создает материальные богатства (для многих жителей Глобального Севера и некоторых жителей Глобального Юга), доходы и рабочие места; он встроен в господствующие дискурсы («необходимость роста») и субъективности («стремление обладать большим», «приобретать вещи более дешево»), которые все в большей степени формируются цифровизацией. Эксплуатация труда и природы в других местах является условием социальных компромиссов между трудом и капиталом. Все это происходит в классовых, патриархальных и расово определенных обществах Глобального Севера, где существует значимое социальное и географическое неравенство, которое возрастает в последние десятилетия.

На Глобальном Севере, инфраструктуры повседневности

>>

(напр., системы питания, транспортной связи, электро-снабжения, отопления и телекоммуникации) в значительной степени обслуживаются материальными потоками, движущимися извне, работниками, которые занимаются добычей соответствующих ресурсов, и базируются в глобальных экологических раковинах, которые поглощают выбросы инфраструктурных систем. Работники Глобального Севера полагаются на работу этих инфраструктур не только потому, что считают их необходимыми компонентами качества жизни, но и потому что их жизнь *зависит* от этих ресурсов. В большинстве своем работники покупают дешевую «пищу, которая произведена непонятно где» (Филип Мак Микаэл), водят машины или освещают свои дома электричеством, произведенным на основе сжигания ископаемого топлива. Это происходит не просто потому, что они сделали такой выбор. Они делают это для того, чтобы кормить свои семьи, добираться до работы или потому, что инфраструктуры не предлагают альтернативы обновляемой энергии, поскольку во многих странах использование новых источников энергии в настоящее время стоит значительно дороже. Таким образом, работники вынуждены следовать правилам империалистического способа жизни, потому что он материализован и институционализирован во многих системах поддержания жизни на Глобальном Севере.

> Отношения между Севером и Югом

Империалистический способ жизни на глобальном уровне устроен иерархическим образом. С самого начала существования колониального порядка условия работы и жизни в экономиках Глобального Юга были основаны на добыче ресурсов, а развитие промышленного производства и сферы услуг стимулировались потребностями центров капиталистической системы. Расовые, половые, гендерные и классовые отношения в этих национальных экономиках в значительной степени (хотя и не исключительно) были ориентированы на удовлетворение этих потребностей.

Понятие империалистического способа жизни позволяет показать и объяснить как система господства, власти и насилия нормализуется в неоколониальных отношениях между Севером и Югом, в классовых, гендерных и расовых отношениях, проявляется в практиках потребления и производства, и таким образом более не воспринимается как отношения неравенства и несправедливости. Многие женщины, в особенности, относящиеся к расовым категориям, локализованы в низших слоях системы разделения труда, а их труд и их тела подвергаются относительно большей эксплуатации. Возникает тенденция феминизации бедности. Такой способ организации жизни глубоко укоренен и географически распространен в странах капиталистической периферии.

Современная конфигурация власти на глобальном уровне имеет исторические основания, и характеризуются как продуктивными, так и деструктивными особенностями. Она сформирована неравенством развития и взаимозависимостями; для нее характерны кризисные тенденции и стабилизирующие аспекты империалистического способа жизни. Некоторые аспекты углубления кризиса в то же время являются частью стратегии совладания с ним.

Существенный пример этой противоречивой динамики

представляет собой попытка заменить двигатель внутреннего сгорания автомобиля – электрическим механизмом. Экономические, политические и академические сторонники этой стратегии обещают, что она является эффективной для совладания с климатическим кризисом (поскольку транспортная система до сих пор является основным источником выбросов парниковых газов). Однако на самом деле электромобили вряд ли смогут решить социально-экологические проблемы, вызванные автомобильным транспортом. Зависимость от сырья просто сдвинется от ископаемого топлива к металлическим ресурсам, а бум электрических машин приведет к разрушению добычи ископаемых на Глобальном Юге. При этом наверняка сохранится господство автомобилей в городской и сельской местности за счет велосипедного транспорта, пешеходов и общественного транспорта.

«Зеленая экономика», символом которой является электромобиль, обещает высокую отдачу от инвестиций, создание рабочих мест и смягчение экологического кризиса. Однако подобные обещания соответствуют моделям экологической модернизации, которая не ставит под сомнение основания капиталистического способа производства и жизни. Зеленая капиталистическая формация, результатом которой может стать экономическая стратегия, подобная европейскому Зеленому Курсу, способна повлиять на решение социально-экологических противоречий, которые еще больше проявились за последние годы. Однако эта стратегия сможет реализоваться только в эксклюзивных пространствах и при темпоральных ограничениях, и это приведет к социальным и экологическим затратам, которые будут экстернализованы в пространственном и временном измерениях.

> Обсуждение эвристического потенциала понятия

Эвристический потенциал понятия «империалистический способ жизни» опирается на разветвленную и богатую интеллектуальную традицию, сформировавшуюся не только на Глобальном Севере, но и на Глобальном Юге. Особенно плодотворными в данном отношении являются концепции латиноамериканских критических теоретиков, которые развивали теории зависимости и политической экологии и ввели такие понятия, как «структурная гетерогенность», «*caudillismo*», «колониальный характер власти» (см. работу перуанского социолога Анибала Кихано), «колониальный характер знания» (Эдгардо Ландер).

Развитие диалога между этими подходами и дальнейшее использование их в эмпирических исследованиях позволит углубить наше понимание империалистического способа жизни и его растущих противоречий. Более того, работа в этом направлении поможет выявить альтернативы, которые возникают, когда происходят сбои в работе систем и то, что раньше считалось нормальным более не считается таковым. Именно в условиях кризиса проявляется потенциал и формируются контуры солидарного способа существования. ■

Адреса для связи:

<ulrich.brand@univie.ac.at>

<markus.wissen@hwr-berlin.de>

1. Brand, U. and Wissen M. (2021) *The Imperial Mode of Living. Everyday Life and the Ecological Crisis of Capitalism.* [Империалистический образ жизни. Повседневность и экологический кризис капитализма] London: Verso.

> Отказ от понятия «антропоцен»:

Человек и Природа в эпоху капиталоцена

Джейсон В. Мур, Университет Бингхэмптона, Нью-Йорк, США

Стрит-арт версия картины Питера Брейгеля Старшего «Большая рыба ест маленькую рыбу». Фото: Сесили Бэнг.

Понятие «антропоцен» является наиболее влиятельным экологическим понятием нового тысячелетия. Но, возможно, оно также является наиболее опасным.

Антропоцен. Эра человека. Эти слова кажутся совершенно невинными и научными. Печальная действительность климатического кризиса схвачена в одном понятии. Это Сказание о Падении. Человек «побеждает великие силы природы». Для ученых, изучающих планетарную систему Земли, отношения человека и природы не имеют отношения к политике. Но в действительности дело обстоит совершенно иначе. Мы наблюдаем, как ученые упорно ищут «золотые костыли» геологического антропоцена, чтобы вокруг них построить историю человечества. Они замещают спорные истории современности техно-демографическими нарративами. Так родился нарратив о демографическом (или масскультурном) антропоцене (*Popular Anthropocene*). Он базируется на двойном основании: изобретении паровой машины Уаттом (1784) и тезисе о «быстром росте населения». Исторический нарратив антропоцена был бедным, а его идеология и того хуже. Дело в том, что отношения человека и природы не являются невинными. Эти отношения являются операционной системой империалистической буржуазной гегемонии. Контрреволюционный трактат Томаса Мальтуса (1798) появился в контексте беспрецедентного социального радикализма. Книга Пауля Р. Эрлиха «Популяционная бомба» была написана как раз

тогда, когда возмущения рабочих, крестьян и студентов угрожали послевоенному капитализму. В обоих случаях – как и в сегодняшней дискуссии об антропоцене – фундаментальные для мира социально-экологические расколы подвергаются очищению с помощью идеологии натурализма. Каков же смысл этой идеологии? Она призывает не обращать внимание на человека, который находится за кулисами происходящих природных изменений. Наша единственная надежда – эффективное управление «законами природы».

> Отношения человека и природы: от буржуазного натурализма к «отсутствию альтернативы»

Если когда-нибудь вам приходило в голову, что конец мира легче вообразить, чем конец капитализма, то я вам объясню почему. Идеология буржуазного натурализма стремится преодолеть историю борьбы и заменить ее построением более справедливого и демократического мира. В этом свете демографический антропоцен представляет собой экологию безнадежности. Он является экологически осмысленным выражением неолиберальной догмы, которая выражается словами: «альтернативы не существует». Остается лишь признать неизбежность планетарного управления. (И даже это не представляется реалистичной задачей). Человек и Природа – это превосходные опиты экологического воображения, которое всегда хотело сказать нам, что настал конец времен и при этом никогда не хотело назвать, а еще меньше хотело уничтожить систему,

>>

которая создала такой порядок. С начала 1970х годов некоторые слои профессионалов и управленцев выражают эту искреннюю, но политически бесполезную позицию заламывания рук. А тем временем один процент населения Земли ведет нас к гибели планеты.

Ни Человек, ни Природа не являются, таким образом, невинными понятиями. Эти и подобные им слова (например, понятие *общество*) приобрели современный смысл на английском языке лишь после 1550 года, который стал поворотным пунктом в истории капитализма. То был период климатического кризиса, разрушительной пролетаризации и зарождения революции. В эту тревожную эпоху Человек и Природа сформировались как *правящие абстракции*: они стали практическим руководством по реорганизации паутины жизни человека и нечеловеческих существ в целях беспредельного накопления. Согласованные с цивилизационными проектами, эти абстракции сформировали этос господства Человека над Природой, который породил современные формы расизма и сексизма и связал их воедино с буржуазным натурализмом и мировым историческим стремлением к прибыли. Таков был рассвет капиталоцена – геологической и исторической эпохи, которая объединила новые стратегии господства, эксплуатации и создания окружающей среды.

Возникновение капитализма как мировой экологии власти, прибыли и жизни распространяется не только на экономику. Капиталоцен связал воедино новые модели классовой эксплуатации, построенной на накоплении прибавочной стоимости в паутине жизни. Создание капиталистической Пангеи после 1492 года стало биогеографическим водоразделом планетарной истории. Шипы Орбис 1610 года, которые для исследователей климата Малина и Льюиса подтверждают геологическое происхождение антропоцена, стали «золотыми костылями» угольных выбросов, прямым результатом геноцида, который сам по себе стал результатом порабощения природы и других дешевых стратегий в отношении окружающего мира.

> Стратегия прометеанизма: геокультурная логика исторического капитализма

Эти стратегии не были реализацией бестелесной логики капиталистического накопления. Они стали возможны благодаря новому способу геокультурного господства, которое получило название прометеанизма (*Prometheanism*). Согласно этой системе верований и господства Человек не имеет ничего общего с другими видами; он стоит выше Природы, подобно тому, как Бог возвышается над Человеком. Для испанцев 16 века несовершенная природа индигенного населения Южной Америки могла оказаться спасенной при условии тяжелого труда на благоверных христиан. Прометеанизм был одушевляющим принципом великой империи, в которой священники и солдаты, купцы и плантаторы быстро «обнаружили», что колонизованные ими народы являются дикарями, не обладают разумом и не могут считаться цивилизованными. Такие народы – коренное население Африки, кельты, славяне и бесчисленное число других – были натурализованы для того, чтобы затем стать объектами цивилизационного процесса. Империя стала «школой цивилизации». Все последующие им-

перии приносили своим дикарям цивилизацию, а затем «развитие».

Но какое отношение имеют эти рассуждения к климатическому кризису и антропоцену? Самое прямое! Природой было объявлено все, за что буржуазия не хотела платить. Капиталистическая стратегия *дешевизны* стала стратегией господства и накопления, которая подсоединила «экономику» оценки затрат (*валоризации*) к беспрецедентному аппарату геокультурного *обесценивания*. Именно этот механизм составляет ядро альтернативы, предлагаемой капиталоценом.

Теперь мы можем критически осмыслить недавнее заявление МГЭИК: «Нет никаких сомнений в том, что человеческий фактор приводит к потеплению атмосферы Земли». Это, несомненно, так, но эта правда лишь частична. Дело в том, что словосочетание «человеческий фактор» является крайне идеологизированным. Мы с полным основанием ставим под сомнение историческую ответственность за климатические изменения в системе, которая постоянно воспроизводит насильственное неравное распределение богатства и власти.

Утверждение, что изменение климата обусловлено *антропоценом* – это новый бренд обвинения жертв эксплуатации, насилия и бедности. Я предлагаю более адекватное альтернативное суждение. Мы живем в эпоху климатического кризиса, порожденного капитализмом. Геологический антропоцен создан *капиталом*, а не «человеческим фактором». С 1854 года девяносто корпораций несут ответственность за две третьих промышленных выбросов углерода. Сегодня самый богатый 1% населения планеты выбрасывает в два раза больше парниковых газов, чем 50% самых бедных.

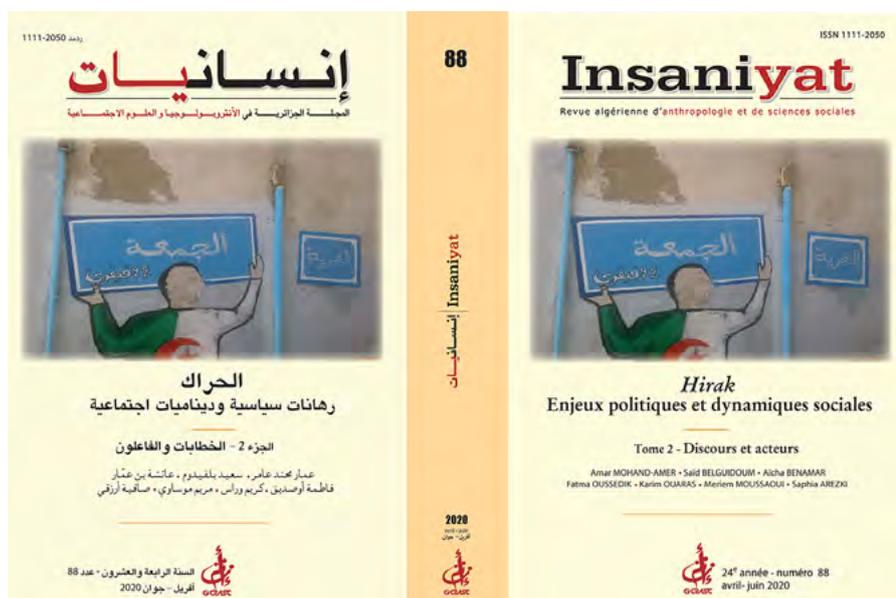
> Капиталогенные изменения климата: приближение автоназии капиталоцена

Чтобы осмыслить политику в отношении климата, необходимо переосмыслить классовую политику, которая, начиная с 1492 года, разворачивалась под знаменем прометеанизма. Понятие «капиталоцен» позволяет проанализировать модели господства, накопления и создания окружающей среды, которые находятся в основании климатического кризиса 21 века. Это понятие описывает, прежде всего, отношения между геополитической экономией и геокультурным господством в паутине жизни, которые создают триаду капиталоцена: климатическое классовое общество, климатический апартеид и климатический патриархат. Интеллектуальная – а значит и политическая – задача заключается в том, чтобы бросить вызов этим исторически сложившимся мировым паутинам жизни, господства и накопления. Чтобы противодействовать планетарному менеджериализму Больших капиталистических Зеленых мы могли бы обратить внимание на политику рабочего класса, которая относится к паутине жизни не как к объекту управления (небольшого числа) людей, а как к товарищам в глобальной борьбе за эмансипацию и справедливое устойчивое общество. ■

Адрес для связи: <jwmoore@binghamton.edu>

> Социология в странах Магриба: история и перспективы

Мунир Сайдани, Тунисский университет Эль Манар, региональный редактор «Глобального диалога» на арабском языке, член ИК МСА (2018-22)

Insaniyat («Гуманитарные науки»), журнал Центра исследований в области социальной и культурной антропологии (CRASC), который базируется в Алжире

Глобальный диалог позволяет социологам Магриба делиться своими теоретическими находками и результатами исследований и таким образом проливает свет на «невидимую социологию». Справедливости ради, надо сказать, что «национальные» социологи Магриба, как их коллеги из диаспоры, раскиданные по всему миру, до сих пор особенно не старались быть видимыми. Это справедливо как для англоязычного, так и для франкофонного мира, несмотря на все их различия. Когда редакция «Глобального диалога» предложила предоставить слово североафриканским/магрибским социологам, редакционная команда арабскоязычной версии журнала призвала исследователей из Алжира, Ливии, Мавритании и Туниса подготовить публикации для этого номера. К сожалению, в ответ мы получили только три статьи.

Первая статья представляет краткую историю преподавания социологии и проведения исследований в Ливии. Обзор, представленный ливийским социологом Мохаммедом Элтобули, обращается ко времени основания Ливийского Университета, открытию первого факультета социологии и представляет дальнейшее развитие дисциплины в этой стране. Во второй статье, алжирский историк и социолог Хассан Ремаун раскрывает перед читателем постколониальный поворот в алжирской социологии в начале 1960х годов, а затем анализирует современную ситуацию в отношении социологического образования и исследований в университетах Алжира. Третья – последняя – статья посвящена социологии Туниса и тому, как она концептуализирует тройственный кризис в этой стране. Такой анализ, сочетающий историю и социологию

социологии, призван инициировать дискуссию между тунисскими социологами по региональной и глобальной проблематике.

Все три статьи обращают внимание на достижения и слабости социологии, производимой в странах Магриба. Относительно продолжительная история магрибской социологии, некоторые аспекты которой представлены в статьях, ставит перед исследователями ряд вопросов: какова парадигматичная идентичность/идентичности производимого знания? Как создается местное/региональное научное сообщество? Какова позиция региональной социологии в отношении международных социологических школ и течений? И пр. Таким образом, статьи раздела призывают социологов к диалогу на национальном, региональном и международном уровне. ■

Адрес для связи: <mounir.saidani@issht.utm.tn>

> Социология в Ливии

Мохаммад Элтобули, Университет Бенгази (Ливия), бывший президент Университета Бенгази

Логотип Университета Триполи, старейшего университета Ливии.

В Ливии социология стала важным предметом изучения после того, как в 1955 году в городе Бенгази был основан Ливийский Университет. Факультет искусств и образования предоставлял подготовку по пяти основным специальностям (*majors*): арабский язык, история, география, философия и социология. В первый год на факультете обучалось 33 студента мужского пола и 13 из них учились социологии. Первые девять студентов завершили обучение в 1959-1960 учебном году. Затем факультет социологии был трансформирован в Факультет философии и социальных исследований. В 1972-73 учебном году этот факультет распался на две самостоятельные структуры. В 1966-67 году в Триполи открылся педагогический факультет, а 1971-72 г. - факультет социологии.

> Дальнейшее развитие

В результате политических, экономических и социальных изменений, которые произошли в Ливии после открытия там нефти в 1959 году, правительство стало уделять больше внимание образованию вообще и высшему образованию, в особенности. Многие студенты старших курсов были командированы за гра-

ницу (особенно в США и Западную Европу) для дальнейшего обучения и написания диссертаций.

Благодаря развитию высшего образования, возник спрос на преподавателей в новых университетах на факультетах социологии, которые открылись в различных региональных вузах; все большее число студентов имели возможность учиться за рубежом. После завершения обучения они начинали преподавать и ассистировать иностранным преподавателям, которые в то время составляли основной костяк любого социологического факультета Ливии. К 2002-03 г. на ливийских факультетах социологии работало более 27 преподавателей. На факультетах преподавали такие ключевые предметы, как «Социальная теория», «Методология эмпирических исследований», «Социальная статистика», «Анализ данных». Предлагались также такие курсы, как «Социальные изменения», «Модернизация», «Демография», «Социальные проблемы» и др.

Тысячи студентов получили высшее образование на факультетах социальных наук, открытых в разных регионах страны. Огромное число выпускников и рост числа квалифицированных преподавателей привело к развитию магистратуры. Это стало возможным также, благодаря конфликту между Ливией и странами Запада, особенно США. Магистратуры были открыты в двух университетах – в Бенгази и в Триполи. В настоящее время большинство факультетов включает магистерские программы по социологии. Одним

из важнейших достижений в системе образования в Ливии было учреждение Ливийской академии аспирантских исследований в Триполи в 1988 году. У нее есть филиалы в университетах Бенгази, Мисураты, Дерна и Аждабаби. Академия предоставляет возможности получения магистерской и докторской степеней в различных научных дисциплинах, по инженерным специальностям, праву, языкам и литературе, в сфере социальных наук.

Большинство магистерских программ на факультетах социологии ранее в основном фокусировалось на проблемах ливийского общества, вопросах его модернизации и развития. В настоящее время все больше интереса вызывают темы глобализации, (пост)модернизации, бедности, международные конфликты, эпидемии и др.

> Проблемы

Такова краткая история того, как социологии укоренилась в ливийской академии и стала одним из наиболее значимых предметов изучения для студентов и аспирантов. При этом необходимо отметить, что социология в Ливии встречает много барьеров на своем пути, среди которых важнейшим является нехватка серьезных квалифицированных преподавателей в бакалавриате и магистратуре. До сих пор большинство преподавателей приезжает из соседних стран на короткие сроки, чтобы получить опыт преподавания, прежде чем отправиться в другие учебные заведения, как правило, в страны Персидского Залива. С дру-

гой стороны, большая часть профессорско-преподавательского состава Университета Ливии – это ученые, хорошо известные там, откуда они к нам приехали.

Среди других препятствий активного развития социологии – нехватка книг и журналов, недокомплектация библиотек. Кроме того не хватает научных руководителей, которые могли бы руководить магистрантами и помогать им выбирать исследовательские темы, теорию и методологию. Чтобы проиллюстрировать эти проблемы я обращаюсь к интервью, посвященному развитию социологии в Ливии, которое дал мой коллега Омран аль Геиб (*Omrان M. Al Gueeb*), который глубоко занимается этим вопросом. Среди проблем, с которыми сталкивается наша наука, он назвал нехватку уверенной ясной стратегии развития магистратуры и аспирантуры. Результатом такого положения дел является то, что некоторые темы, выбранные студентами и их руководителями, имеют крайне отдаленное отношение к ливийско-

му обществу.

В 1990е годы в результате улучшения качества обучения и установления института контроля качества программ подготовки, состояние дел в социологическом образовании улучшилось. В программы подготовки были включены ключевые темы различных областей социологии; компетентные преподаватели и специалисты по методологии эмпирических исследований, социологической теории и анализу данных стали частью ППС фактически на всех социологических факультетах страны. Все эти усилия не пропали даром, в настоящее время ливийские студенты при желании без проблем обучаются в магистратурах и аспирантурах за рубежом.

>Закключение

Выше я описал, как развитие социологии в Ливии связано с открытием Ливийского Университета в середине 1950х гг. и как постепенно она стала одной из наиболее важных

дисциплин и исследовательских полей в большинстве университетов страны. Однако не надо забывать, что социология столкнулась со многими проблемами, которые оказали влияние на ее развитие, включая слабое программное обеспечение, особенно в области теории и методологии. Ливийским ученым, как и социологам во многих других странах, не удалось разработать собственные теории; они применяли западные теории к изучению социальных процессов ливийского общества. Тем не менее, благодаря росту числа ливийских социологов, получивших подготовку в западных университетах и в других странах, социология стала наиболее развитой социальной наукой в Ливии. Более того, многие выпускники социологических факультетов становятся руководителями ливийских учреждений, а некоторые из них занимают очень высокие позиции в различных министерствах, например в министерстве социального обеспечения и министерстве образования. ■

Адрес для связи: <Mohammad.Tobuli@uob.edu.ly>

> Социология в Алжире: преподавание, использование и статус

Хассан Ремаун, профессор на пенсии, Университет Оран-2, заместитель директора Центра исследований социальной и культурной антропологии (CRASC), Оран, Алжир

Алжирский хирак (арабское название социального движения 2019-2020). Фото: Creative Commons.

Как точнее ответить на вопрос о статусе социологии в Алжире и востребованности этой науки? Если говорить кратко, нужно рассмотреть, по крайней мере, три вопроса:

1) Преподавание социологии и его эволюция после открытия первого социологического факультета в Алжирском Университете.

(2) Социальный спрос и возможности развития дисциплины.

(3) Статус социологии в сфере производства знания и общая динамика в сопоставлении с другими социальными дисциплинами.

> Преподавание социологии

Социология появилась в Алжире благодаря французской академии, от которой Алжирский Университет зависел вплоть до 1962 года. Мы следовали дюркгеймианской традиции. Сначала социология преподавалась в рамках других дисциплин, например, философии, диплом студенты получали по специальности «мораль и социология». Степень по

социологии и аспирантура были открыты в 1958 году. В этом же году филологические факультеты (*Faculties of Letters*) были преобразованы в факультеты филологии и гуманитарных наук. После 1962 года, когда Алжир обрел независимость, эта модель сохранилась. Обучение социологии в последующие годы позволяло получить диплом о высшем образовании по четырем специальностям (*certificats d'enseignement supérieur - CES*): общая социология, социальная психология, политическая экономия и социальная экономика и в качестве дополнительных опций – этнография Северной Африки или демография.

Эволюция социологического образования произошла в 1970е- 1980е гг., когда специализации превратились в отдельные направления обучения и интегрировали теоретические курсы, практику, научное руководство, а также полевые интернатуры в течение первых лет обучения. Курс обучения составляет 4 года; при этом общие курсы читаются в течение первых двух лет, а далее начинается подготовка по избранной специализации и написание

диссертации, что также занимает 2 года. В то же время в университетах, число которых сократилось после 1958, и теперь включает Алжирский Университет и два его филиала в Оране и Константине, число социологических кафедр увеличилось до нескольких десятков. В зависимости от предпочтений можно обучаться по одному или более специализированным направлениям (социология труда, городская социология, социология села, социология культуры, политическая социология и проч.). Если сначала преподавание велось на двух языках (арабском и французском), то с начала 1980х годов все обучение проводится на арабском языке. Для философии и истории арабизация произошла еще раньше – в 1970е годы. Нужно также отметить, что степени болонской системы, принятые в Европе были приняты в Алжире около десяти лет назад (бакалавриат, магистерская и докторская диссертации – по-французски система *LMD*). И наконец, хотелось бы отметить, что на алжирских социологов оказали влияние не только традиции Дюркгейма и Вебера, но также Ибн Хальдуна и Маркса, а также Пьера Бурдьё и Жака Берка

>>

(особенно тексты последних, посвященные Алжиру и Магрибу).

> Социальный спрос и возможности развития дисциплины

В связи с распространением высшего образования по всей стране и демографическим ростом, который оказал большое влияние на систему образования, тысячи социологов ежегодно выходят на рынок труда. Однако далеко не все они трудоустроиваются в соответствии со своим дипломом. Они находят самые различные работы, что зависит от доступности рабочих мест, особенно в сфере общественных услуг (администрация, преподавание, печать, полиция, сектор экономики и пр.). Выпускники-социологи работают также в частном секторе, и это довольно часто происходит исключительно потому, что к такому выбору их подталкивают требования, предъявляемые к наемным работникам. Такова обычно траектория бакалавров в сфере гуманитарных наук, которые получали низкие оценки при обучении.

При этом необходимо признать, что спрос на работу социологов существует и в государственном, и в частном секторе. Государственные институты особенно нуждаются в экспертах, способных провести массовый опрос, перепись населения (первая перепись проведена в Алжире в 1850 г.), оценить полученные результаты и разработать планы социального развития. Сфера социального обеспечения, прогнозирования и контроля социальных движений также востребована как объект социологической экспертизы. Государственные учреждения, несомненно, отдают предпочтение массовым опросам. Но также высоко оцениваются социологическая аналитика в отношении высшего

образования и науки. Релевантные исследования проводятся в рамках диссертационных проектов в университетах, исследовательских лабораториях и национальных исследовательских центрах. Законодательно принята пятилетняя Программа научных исследований и технологического развития (1998-2002 гг.) установила приоритеты и запустила 30 национальных исследовательских программ, десять из которых прямо или косвенно включают социологическую экспертизу. Программа «Население и общество», целевой группой которой являются именно социологи, антропологи и географы, включает 118 тем, разделенных на 32 направления и 7 сфер исследования. К ним относятся: (1) город и урбанизированное пространство; (2) сельские поселения; (3) семья, женщины и общество; (4) миграции и пространственное распределение населения; (5) работа и занятость; (6) социальная мобильность; (7) знание, выражение и воображение.

> Статус и роль

Национальное государство, возникшее в Алжире после того, как страна стала независимой, унаследовало от периода колонизации свою систему высшего образования и организации науки. Однако старые модели были подвергнуты критике, особенно в сфере социальных и гуманитарных наук, которые рассматривались как средства сохранения и легитимации колониального порядка. Особенно это касалось расовых предрассудков, которые пронизывали историографию и этнографию, и даже психологию и психиатрию в «Алжирской Школе», которая работала при университете и где получали образование представители семей колониальной элиты. Молодое государство, таким образом, переструктурировало поле производства

знания в соответствии со своими целями строительства нового общества, утверждения национальной идентичности (которая часто подвергалась насилию) и экономического и социального развития страны.

Таким образом, в настоящее время науки о человеке и обществе и те, кто использует их результаты, должны отвечать дум императивам, реструктурируя их в рамках двух парадигм.

Первая парадигма опирается на историографию (или национальную историю) и включает такие дисциплины, как философия, теология (Исламские исследования), *Fiqh* (исламское право), арабский язык и литература, и психология (в связи с проблематикой воспитания и исследования личности).

Вторая парадигма опирается на принципы развития (*developmentalism*); она подразумевает обучение дисциплинам, которые способствуют социально-экономическому развитию и модернизации. В этом блоке обучения социолог занимает такую же позицию, как географ, лингвист (переводчик), практикующие психологи или юристы.

В этом контексте, социология, как и другие дисциплины, разрывается между собственными эпистемологическими императивами и постоянным давлением институциональных и идеологических ограничений. Необходимо также отметить, что антропология, которая несколько десятилетий назад была маргинализована, сейчас снова возвращена в программу университетской подготовки, иногда в сочетании с социологией под названием «социальной антропологии». ■

Адрес для связи <hassan.remaoun@gmail.com>

> Тунисская социология : перед лицом тройного кризиса

Мунир Сайдани, Университет Тунис - Эль-Манар (Тунис), редактор арабоязычного издания «Глобального диалога», член ИК МСА (2018-22)

Центр экономических и социальных исследований (CERES) – первый исследовательский центр в Тунисе, основанный в 1962. С 1964 центр выпускает Тунисский журнал социальных наук (*Revue tunisienne de sciences sociales*).

В течение нескольких последних десятилетий Тунис часто описывался как положительный пример изменяющегося общества. Однако более десяти лет назад после победы Тунисской революции 2010-2011 гг., аналитика стала менее оптимистичной, и развивала нарративы о неудаче и кризисе. Кризис здоровья, разразившийся в прошлом году, стал общесоциальным кризисом, погрузившим почти четверть населения страны в пучину бедности. Тунис переживает трехмерный кризис – экономический, политический и санитарный.

Мой вопрос заключается в следующем: как тунисские социологии осмысливают этот трехмерный кризис, сотрясающий общество?

Я начну с описания структурной картины тунисской социологии, затем рассмотрю господствующую парадигму тунисской социологии и, наконец, расскажу об участии социологов в общественных дебатах. В заключении я попытаюсь обсудить, что нас ожидает после кризиса.

> Слабая организация научного сообщества

XI съезд Международной ассоциации франкоязычных социологов

(AISLF) в 2021 году второй раз состоялся в Тунисе. И все же, несмотря на историю членства в этой ассоциации, в этот раз эта возможность привлечь внимание к тунисской социологии не была использована. Участие Туниса в научных мероприятиях МСА началось еще в 1990х годах, однако в последующих форумах приняло участие лишь небольшое число тунисских социологов. Ослабление Арабской социологической ассоциации, основанной в Тунисе в 1985 году, является еще одним примером низкого уровня коллективной вовлеченности тунисских социологов. Однако все они принимают участие в деятельности Арабского Совета по Социальным Наукам (ACSS), Глобального Института Арабского Обновления, основанного в 2019 году и Международной Сети исследователей арабских обществ, основанной в 2020 году. Некоторые наиболее известные тунисские социологии принимают участие в социологических мероприятиях (вебинарах, конференциях и лекциях) в соседских странах.

Участвуя в международных событиях, тунисские социологии вступают в диалог, завоевывают признание и устанавливают связи. Однако все участники действуют в одиночку. Одной из основных причин такого ин-

дивидуализма является отсутствие соответствующей ассоциативной структуры для социологического сообщества в Тунисе. Тунисская социологическая ассоциация (основанная в 1988 году) в течение последних четырех лет фактически ничего не организовывала. Третий последний выпуск ее журнала *Al Muqadima* вышел в свет еще в 2010 году. Срок проведения запланированного третьего конгресса ассоциации истек несколько месяцев назад. Среди нового поколения тунисских социологов господствует представление о том, что они подвергаются исключению со стороны старшего поколения, на которое они отвечают контр-исключением. Без сотрудничества с более финансово устойчивыми и организационно сильными научными институтами, такими как Арабский Центр Исследований Туниса, почти невозможно осуществлять научную деятельность в области социальных наук.

Опираясь на такие слабо структурированные сети, научное сообщество с трудом справляется с ежедневно меняющимся контекстом социологической работы. И все же я считаю, что тунисские социологи на более существенном уровне оказываются не способными справиться с социальными изменениями. Такая

>>

беспомощность связана, на мой взгляд, с превалирующей до сих пор парадигмой.

> Парадигма, отрицающая социальные изменения

Как и в других соседних североафриканских странах, социологическое образование и исследования в Тунисе были основаны на колониальном наследии. Постколониальная – но не всегда не-колониальная – социология унаследовала представление о социальных изменениях, характерное для оптики, позиционирующей государство как основного актора социальных перемен, идущих сверху вниз. Социология, ставшая во главу угла модернизацию и развитие, до сих пор опирается на центральную теорию отношений между национальным государством и обществом, а эта парадигма, на мой взгляд, является до некоторой степени близорукой. Концепция социальных изменений, согласно этой миопической парадигме, отводит обществу лишь незначительную роль в ре-де - конструкции конфигурации «*rapport de force*» (соотношения сил) между тремя основными акторами. В рамках такого подхода основным историческим актором считается авторитарное государство (коррупцированное и не отзывающееся на потребности общества). Тунисский народ (*The Tunisian nation*) рассматривается как нечто химерическое или «изобретенное», а его способность контролировать исторические процессы отрицались. Поэтому, когда в 2010-2011 гг. Тунисе произошла народная революция, она совершенно не вписывалась в господствующую модель понимания социальных изменений.

Исторический поворот в результате Революции 2010-2011 г. четко продемонстрировал потребность в новом социологическом видении того, что происходит. Существующая оптика не позволяла увидеть, концептуализировать и понять «реванш общества в отношении государства».

А в это время санитарно-социальный кризис еще более усложнил социологическую работу на теоретико-парадигматическом уровне. Один тунисский социолог, работающий в профессии с конца 1960х годов,

оценивает COVID-19 как «*fait social total*» (то, что Марсель Мосс называет «тотальным социальным фактом»). Этот тезис является ярким выражением нового взгляда на социальные изменения. Однако лишь немногие социологи готовы обсуждать новое понимание исторически изменяющихся структур объективности/субъективности, внутреннего/внешнего, локального/глобального. Путь к обновлению социологических взглядов очень долг и не прост. Голоса общества, которые звучат снизу, пока еще не смогли заставить социологов пересмотреть свои позиции и аналитические инструменты.

Сдвиг в сторону новой парадигмы – это отважный шаг, и этот процесс еще только начинается. Но он не будет успешным, пока социальное знание не получит большего распространения в обществе.

> Не-публичная социология

Социологическое знание в Тунисе остается элитным. Таковы следствия описанных выше двух основных характеристик тунисской социологии и рассыпанности социологического сообщества. Основной причиной такого положения дел является долгая история диктатуры, в течение которой тунисские университеты были изолированы от общества, а социальные ученые фактически не принимали участие в социальных дебатах. Наследие нехватки участия в публичном обсуждении – одна из ключевых проблем, стоящих перед тунисскими социологами.

Что касается особенностей производства социального знания в Тунисе, нужно признать, что здесь ключевым является языковой вопрос. С одной стороны, социология в Тунисе, несмотря на политику арабизации, запущенной в середине 1970х годов, все еще частично преподается на французском языке. Основные концептуальные инструменты, с которыми знакомятся студенты, как правило, осваиваются во французском эквиваленте, а на французский язык их названия часто переведены с английского оригинала. Значительная часть результатов социологических исследований представлена на французском языке, английский

фактически не используется. С другой стороны, в ходе квазитотальной арабизации социологическое знание и его результаты остаются неизвестными широкой публике. Можно утверждать, таким образом, что социологический дискурс фактически не получает распространения. В особенности это справедливо в ситуации, когда социологи бросают вызов другим более почвенным социальным дискурсам. Сверхполитизация всех социальных дебатов в стране, погруженной в непрекращающийся поток социальных изменений и не контролируемых «*prise de parole*» («публичных заявлений», как назвал их Мишель де Серто) создает видимость равенства и взаимозаменяемости всех социальных дискурсов.

В таких ситуациях трудно различить голос науки и услышать его. Тунисским социологом сложно легитимизировать позицию «рациональных экспертов» в полностью организованных публичных дебатах или в функционирующей на принципах рациональности публичной сфере.

> Заключение

В этой статье я старался показать, что тунисская социология в течение всей истории своего развития должна была доказывать свое право на существование. Я также обращаю внимание на проблемы, специфичные для последнего десятилетия. Нынешний тройной кризис в Тунисе является еще одним поворотным пунктом в развитии тунисской социологии, который, как представляется, будет трудно успешно разрешить.

Этой статьей мне хотелось бы вызвать глубокую дискуссию о будущем. Одним из способов завязать дискуссию является попытка построить мосты между различными поколениями тунисских социологов, между индивидуальными потребностями их профессионального пути и коллективным действием. Усиление дееспособности существующих профессиональных связей должно происходить на локальном, региональном и международном уровнях. В современном глобализованном мире такая хорошо вооруженная тунисская социология может предложить значимый вклад в современную дискуссию и развитие международного социального знания. ■

Адрес для связи <mounir.saidani@issht.utm.tn>

> Неравенство в ответ на ковид

Вильма С. Нчито, Университет Замбии, Замбия

Станции бесконтактного мытья рук, установленные в школе Касамба и в 58 других школах. Фото: Инициатива по обеспечению безопасности водоснабжения города Лусака (LuWSI)

Когда в апреле 2020 года в Замбии был обнаружен первый случай COVID-19, поток комментариев в социальных медиа показал, что многие полагают, что болезнь поражает неравномерно различные сегменты общества. Человек, вернувшийся из отпуска в Европе, сразу вызывал подозрение, потому что считалось, что более зажиточные граждане в большей степени подвержены новому заболеванию, а массы сохраняют некоторый уровень иммунитета. После первой волны пандемии стало очевидно, что это действительно так – более зажиточные сообщества действительно в большей степени подвергались заражению. Сообщения системы здравоохранения не находили отклика в сельских поселениях и на самовольно заселенных территориях, потому что их жители спрашивали: «Вы видели кого-то, кто умер от COVID-19?». Без осязаемых свидетельств пандемия остается для многих фальсификацией. Есть и те, кто считает, что для правительства это всего лишь способ получать дотации.

> Вторая волна

Вторая волна не принесла особых изменений, и теории заговора продолжали распространяться. В целом люди из бедных общин мало внимания уделяли публичным предупреждениям по поводу здоровья. Маски считались ненужными, и в некоторых регионах люди, носящие маски, счи-

тались распространителями вируса. Все это напоминало сказку о двух городах, в одном из которых люди носили маски, а в другом – нет. Хотя ответная реакция на ковид разрабатывалась на национальном уровне, трудно было понять, что происходит на уровне повседневности в спонтанных поселениях. Как эти плотно населенные территории подготавливались к последующим волнам пандемии? На этот вопрос нам поможет ответить рассказ об Инициативе по обеспечению безопасности водоснабжения города Лусака (*Lusaka Water Security Initiative - LuWSI*). *LuWSI* представляет собой систему партнерства государства и частного сектора, гражданского общества, территориальных общественных организаций, а также местных и международных НГО. Цель этой стратегии – «обеспечить безопасной водой всех жителей и способствовать созданию здорового и благополучного города». Деятельность этой инициативы началась в 2016 году при поддержке Германской корпорации международного сотрудничества по программе сохранения природных ресурсов; в настоящее время в ней участвует тридцать партнеров. Все партнеры имеют собственные мандаты, но стремятся к сотрудничеству для улучшения качества воды в городе.

> Низовой ответ на ковид

Когда к середине 2020 года заболеваемость ковидом в стране стала расти, партнеры по *LuWSI* стали обду-
>>

Баки с водой, переданные школам для распространения мытья рук. Фото: LuWSI.

мывать способы улучшения санитарно-гигиенических практик в бедных сообществах в условиях роста использования воды, мыла и санитарных средств в условиях ковида. Бедные сообщества и так находились на грани выживания, а COVID-19 накладывал обязательства по новым статьям расходов в домохозяйствах. В ответ на эти вызовы партнеры предлагали различные меры, и хотя показатели смертности оставались сравнительно низкими в Замбии, они прилагали усилия для поддержки неблагополучных в экономическом отношении поселений. В столице страны – Лусаке – было запущено несколько проектов. Среди них такие, как дезинфекция и уборка рынков, обеспечение санитарными средствами и умывальниками, организация пунктов бесконтактного мытья рук и создание групп роста сознания по тематике ковида.

Городской совет г.Лусака и Программа партнерства зеленых школ запустили кампанию «безопасного возвращения в школу». Задача этой компании – просвещение и меры по обеспечению здоровья детей в бедных сообществах, которые являются потенциальными носителями вируса. Эта программа охватила учащихся более ста школ города. Ключевыми партнерами являются *WaterAid*, городской совет Лусаки, министерство образования и министерство здравоохранения. В ходе кампании жители муниципальных образований прошли подготовку по надомному уходу, освоению санитарно-гигиенических мер и улучшению реагирования на COVID-19 в школах. При этом школы снабжались необходимым числом «бесконтактных» умывальников, с целью противодействия распространению инфекции в школе. В школы также поставлялись большие запасы воды, чтобы предотвратить ее нехватку.

Также был разработан план реагирования на ковид на больничном уровне. Комитеты по развитию стационарного обслуживания организовали тренинги по развитию коммуникационных навыков, которые научили участников делиться в соседских сообществах своим опытом переживания ковида. Кроме тренингов члены этих комитетов получали в свое распоряжение личные средства защиты, перчатки, мыло, санитарные средства, чистящие и моющие средства, хлорин, швабры, канистры с водой и проч.

> Маленькие шаги к успеху

Меры, описанные в этой статье, могут кому-то показаться незначительными и ограниченными по масштабу. Если бы платформа сотрудничества *LuWSI* во время ковида оставила без внимания школы для бедных и бедные сообщества, то может быть никто ничего и не заметил. Правительство страны, конечно, предприняло ряд усилий для информирования населения о правилах, которые необходимо соблюдать при ковиде. Правительство также приняло ряд директив, требующих, чтобы школы и предприятия обеспечили снабжение адекватными средствами санитарии или оборудования для мытья рук, но большинство школ обслуживают сообщества, которые не могут позволить себе оплату этих дополнительных требований, обусловленных пандемией. В таких условиях *LuWSI* консолидировал ресурсы различных партнеров для оказания помощи сообществам с низкими доходами. Платформа сотрудничества показала, что другие стейкхолдеры могут успешно помогать властям в борьбе с COVID-19. ■

Адрес для связи: <wsnchito@yahoo.com>

> Парадигма Ибн Хальдуна в контексте философии Куна

Махмуд Дауади, Тунисский Университет, Тунис, член ИК МСА «История социологии» (ИК 08), «Социология религии» (ИК 22), «Язык и общество» (ИК 25).

Статуя Ибн Хальдуна в Тунисе. Фото: М.Дхифала/Creative Commons.

В этой статье представлена классическая работа Ибн Хальдуна *The Muqaddimah* [Муккадима] и его изобретение Новой Науки, которая по-арабски называется “*Ilmu al umran al bashari*”, т.е. «наука о человеческой цивилизации и социальной организации». Я опираюсь на современную философию науки, понятия научной парадигмы, нормальной и революционной науки Томаса Куна, чтобы обрисовать те процессы, которые привели Ибн Хальдуна (1332-1406) к открытию *парадигмы новой науки*.

Чтобы понять революционный научный дух автора «Муккадимы» необходимо познакомиться с философией науки. Ниже я кратко представлю основные понятия Томаса Куна, чтобы прояснить, как он понимает движение от нормальной к революционной науке и дам оценку теоретическим достижениям Ибн Хальдуна.

> Понятие парадигмы

В повседневной речи термин «парадигма» используется для обозначения типичного примера или модели, которой надлежит следовать. Как утверждает Т. Кун в своей работе «Структура научных революций» в нормальные времена в научном сообществе существует консенсус по поводу теоретических и методологических правил, инструментов сбора и анализа данных, проблем, которые необходимо исследовать, и, в целом, стандартов проведения исследований. Этот консенсус достигается благодаря признанию научным сообществом некоторых прошлых достижений науки в качестве *парадигмы* или модели. Я покажу далее, как понятие парадигмы революционизировало понимание философии науки.

> Нормальная и революционная наука

В своей работе Кун описывает два типа науки: *нормальную* и *революционную*. Нормальной называется наука, в рамках которой ученые говорят на одном языке, разделяют общее знание, понятия, теории и правила, характерные для своих сфер активности. Нарушение общих правил делает ученых изгоями. Нормальная наука действует на основании представления, что научное сообщество уже обладает знанием об устройстве мира. Нормальная наука считает достижения прошлого легитимным основанием дальнейшей практики. Именно поэтому нормальная наука часто подавляет фундаментальное обновление знания: новизна может оказаться разрушительной для базовых позиций. Вследствие таких особенностей, нормальная наука, как считает Кун, может развиваться лишь за счет кумулятивного прироста научных достижений.

При этом Кун подчеркивает значение научных революций, которые представляют собой *не-кумулятивный*

>>

процесс развития, когда старая парадигма в целом или частично замещается принципиально новой. Кун считает, что научная революция, результатом которой становится смена парадигмы, по своей радикальности подобна политической революции. Ее предваряет растущее недовольство членов сообщества существующими институтами, которые перестают адекватно реагировать на проблемы окружающей среды, в создании которых они частично принимали участие: возникают *аномалии* и *кризисы*. Переход от парадигмы, находящейся в кризисном состоянии к новой парадигме, которая может породить новую традицию нормальной науки, не является кумулятивным процессом.

> Кризис арабской мусульманской историографии

Теория Куна вполне релевантна для анализа научной работы Ибн Хальдуна. Первым шагом научного пути Хальдуна стала сильная критика мусульманских историков. Он показывает со всей очевидностью, что вся мусульманская историография находится в состоянии кризиса. Он заявляет во всеуслышание об отсутствии научного доверия в исторической науке. Создается впечатление, что в мусульманском мире во время жизни Ибн Хальдуна и до этого история как академическая дисциплина или то, что Ибн Хальдун называет «искусством истории», находилась в плачевном состоянии. Пользуясь категориями Куна, мы можем сказать, что мусульманская историография находилась в кризисе, который мог быть разрешен в форме появления новой *революционной парадигмы*, которая до этого считалась несовместимой с накопленным интеллектуальным наследием мусульманских историков. Автор «Мукккадимы» подвергал критике мусульманских историков, писавших в разные периоды. Приведенная ниже цитата представляет взгляд ученого на состояние историографии в мусульманском мире:

«Выдающиеся мусульманские историки собрали исчерпывающие коллекции исторических событий и записали их в своих книгах. Но затем люди, у которых не

было никакого права заниматься историей, вставили в эти книги ложные сплетни, которые они выдумали, а также недобросовестные описания, которые они выдумали или заимствовали. Многие последователи шли по их следам и передали эту информацию нашим поколениям в том виде, в каком восприняли ее сами. Они не искали причин событий и условий или обращали на последние недостаточно внимания; они оставляли нетронутыми и не вымарывали бессмысленные истории. Мало усилий было направлено на достижение истины. [...] Слепое доверие традиции – это наследуемая черта человеческих существ»¹.

> Новая революционная наука Ибн Хальдуна

Открытие Новой Науки, которое совершил Ибн Хальдун, соответствует представлению Куна о парадигме революционной науки. Ученый заявляет, что наука, которую он развивает, *не является результатом процесса накопления знаний*. Таким образом, это действительно революционная наука. Он признает, что до него еще никто не писал о предмете этой новой науки: «Я действительно не читал ничего подобного до сих пор». Ибн Хальдун упоминает ряд мыслителей и книг, в числе которых «Политика» Аристотеля, Мобетан (*Mobethan*²) и труды исламских мыслителей. Он утверждает, что новая наука не черпает вдохновение из этих книг: «Мы пришли к осознанию этих вещей с божьей помощью, не опираясь на учение Аристотеля или Мобетан. Ибн Хальдун выявляет некоторые черты новой науки: «Это *независимая наука*. У нее есть свой собственный предмет – человеческая цивилизация и социальная организация. Обсуждение этой тематики является чем-то совершенно новым, необычным и в высшей степени полезным». И все же Ибн Хальдун сохраняет скромность в оценке своей новой науки: «Если [...] я что-то упустил или проблемы [этой науки] смешиваются с чем-то еще, вдумчивый критик может внести необходимые исправления». ■

Адрес для связи: <m.thawad43@gmail.com>

1. *Khaldun I.* (1980 англ.яз., перевод F. Rosenthal) *The Muqaddimah*, vol. I :6-7.
2. «Мобетан» (*Mobethan*) – это индийская книга, аналогичная «Политике» Аристотеля.

> Социологическое воображаемое и социология права в Бразилии

Франсиско Бедэ, IESP-UERJ, Бразилия и Габриэль С. Серкейра, Universidade Federal Fluminense, Бразилия

«Справедливость» Альфредо Сескьянти, статуя напротив здания Бразильского федерального верховного суда. Фото: Ricardo / Creative Commons.

Понятие воображаемого становится все более значимым для понимания того, как работает закон в современной Бразилии. Оно совершенно необходимо для понимания того, как взаимодействие между системой бразильского права и другими аспектами социальной динамики и национальной политикой (объект социологии права) воздействует на конкретизацию ключевых ценностей и устремлений современной жизни. К ключевым ценностям относятся следующие. Во-первых, демократическая политическая жизнь должна опреде-

ляться активным участием граждан обеспечиваться репрезентативными институтами, а не олигархическим правлением. Во-вторых, национальное развитие должно быть экономически автономным и эффективным. В-третьих, социальная жизнь должна быть построена на принципах личной свободы, согласно которым эффективное функционирование государства ограничивается фундаментальными правами граждан.

Воображаемое мы понимаем как мировоззрение, отображенное в репрезентациях и практиках субъекта, когда последние мобилизованы как общепризнанные отсылки к коллективной динамике и функционированию институций. Это понимание близко к тому, как толкует «социальное воображаемое» Корнелиус Касториадис. В этом смысле понятие *воображаемого* может считаться близким по значению понятию *идеологии*, если только не понимать идеологию просто как «ложное сознание» (неверное представление о реальности), а как то, что обеспечивает координацию смыслов, которые люди придают своим действиям. Более того, мы используем понятие *воображаемое*, чтобы привлечь внимание к тому обстоятельству, что мировоззрение всегда глубоко связано с аспектами действия, которые не являются чисто логическими (т.е. не могут быть редуцированы к чистой рациональности). Таким образом, социальное воображаемое действует в значительной степени между строк и пробуждает имплицитные эмоции и значения.

> Абстрактный характер современного права

Абстрактный характер современного права является основной причиной, по которой социология права инкорпорирует понятие воображаемого. Современный закон опирается на институт гражданства и определяет каждого человека как свободного и равного другим перед законом, как автономного субъекта и носителя фундаментальных прав. Таким образом, субъект права является крайне абстрактным: гражданином является тот, кто является свободным и обладает некоторыми неотчуждаемыми правами (такими, как и у других граждан). Те аспекты реальности и конкретной жизни людей, которые выходят за пределы абстрактного равенства, таким образом, игнорируются законом как часть приватной жизни, и не являются объектом права. Чтобы стать частью со-

>>

временного права и современного правопорядка, нечто должно быть описано в абстрактных терминах (даже особые права и так называемые права меньшинств должны быть определены как выражение фундаментальных прав граждан на свободу и равенство).

Хотя нормативное основание абстрактной и «универсальной» системы права накладывает запрет на любые произвольные и партикуляристские меры (поскольку современное право не является выражением воли и интерпретаций юристов и законников), эта правовая рамка принуждает своих операторов к трансформации абстрактных положений законодательства в конкретные решения по конкретным вопросам. И так, решающим моментом является не то, что правовая система подчиняется интересам политики или конкретным акторам (хотя это и случается), но то, что в переходе от абстрактного закона к конкретному юридическому решению вступает в игру *воображаемое*, предоставляя координаты решений, которые не может предложить абстрактный закон.

> Укоренение закона в социальном воображаемом

С другой стороны, введение в правовую парадигму современного закона абстрактного понятия «гражданин» также маркирует пространство не-гражданства. Парадоксальным образом, переход от власти абсолютистского суверена к народному суверенитету, перераспределяет политическое содержание абсолютного суверена в пользу «граждан», но при этом сохраняет часть социального тела, лишённого политической власти. Даже если этот зазор эксплицитно не консолидирован в рамках правопорядка, в повседневной жизни он, несомненно, существует. Это противоречие часто становится камнем преткновения для операторов закона.

Вальтер Беньямин первым обратил внимание на этот разрыв и предложил интерпретацию, которая улавливает связь между законом и воображаемым (в различных проявлениях). Согласно этой интерпретации, институт права конституирован глубинным расколом между социальной экстернальностью (сферой абстрактного закона) и иррациональным насилием, того произвола, на котором основан закон. Закон в одно и то же время является

выражением «разумного» содержания и произвольного «нерационального» судебного запрета. Поскольку нарратив о конститутивных характеристиках права всегда строится *a posteriori*, это противоречие ретроактивно скрыто догматическими интерпретациями права, которые юрист Пьер Легендр (Pierre Legendre) называет «догматическим порядком».

Таким образом, для социологии права открывается сфера исследования интернализованного социального воображаемого, которая позволяет осмыслить описанное выше противоречие правового порядка современности – того, что мы называем укоренением воображаемого. Объектом этих исследований могут быть формы субъективности, присущие национальным историческим формациям, которые (вос)производятся в динамике подготовки юристов, и социальные отношения, которые разворачиваются в практиках правоприменения и устанавливают внутренний порядок системы права.

Совсем не удивительно, что бразильское право крайне селективно относится к нарушению (или соблюдению) закона массовыми и господствующими классами. Порядок воображаемого действует на замещение внутренне противоречивого, конфликтного и фрагментарного сегмента законодательства (в зазоре между современным абстрактным законом и насильственным суперличностным содержанием). Воображаемое сохраняется в законе, проявляется в его применении и придает легитимность последнему. Что авторизует и легитимизирует судебное решение, которое утверждает, что «благодаря расовой принадлежности» индивид связан с криминальной группой? Что в правовом дискурсе (хотя бы, между строк) легитимизирует часто внеправовые действия полиции в бразильских фавелах, в отношении черных и бедных людей? Что лежит в основе правовой казуистики, которая ежедневно появляется на страницах газет? Для понимания сложностей и противоречий работы бразильского законодательства, необходимо междисциплинарное теоретико-методологическое исследование. Оно потребует сочетания традиционных подходов социологии права с философией, психоанализом и историческими теориями, которые помогут интегрировать понятие воображаемого в социологию права. ■

Адреса для связи:
<franciscojuliaomb@gmail.com>
<gabrielscerqueira@gmail.com>